

ИВАН ПЕТРОВ

КИБЕРБИО

Иван Петров Кибербио

<https://litres.ru/74327508>

SelfPub; 2026

Аннотация

Будущее уже стоит у порога, а замечаем ли мы это? Перед вами предстанет вариант недалекого будущего, где есть искусственные матки, инкубаторы и «выращивание» идеальных людей для нужд корпоративных кланов. Технологии, призванные спасать, становятся оружием. Тело модернизируют до неузнаваемости, мозг соединяют с компьютером, а человеческие души превращают в расходный материал.

Содержание

1. Точка отсчета	4
2. Комсомольская путевка	20
3. Пустота	24
4. Полярная кузница	31
5. Сто лет	39
6. Закон всемирного притяжения	48
7. Восточная сфера. Как мир стал таким	53
8. Танцы на вечной мерзлоте	58
9. Инкубатор	64
10. Тепло, которого не отнять	77
11. Новый путь	84
12. Когда снег тает	90
14. Донор	102
15. Энергия ускорения	107
16. Новая жизнь	114
17. Цена	122
18. Соты	130
Конец ознакомительного фрагмента.	131

Кибербио

1. Точка отсчета

Химари сидела на подоконнике своей крошечной комнаты в маминой квартире и смотрела вниз на Токио. Десятый этаж. Асфальт. Машины, похожие на игрушечные. Если прыгнуть — все закончится быстро. Мгновение. И никакой боли.

Она уже открыла окно, когда в дверь позвонили. Соседка, старушка Иноуэ, принесла забытый зонт. Химари улыбнулась, поблагодарила, закрыла дверь. И заплакала.

«Почему я не могу это сделать? — думала она. — Почему я такая слабая?»

Она не всегда была такой. Раньше она была веселой, целеустремленной девушкой. Училась на стоматологическом факультете Токийского медико-стоматологического университета, одного из лучших в стране. Ей было двадцать один, она заканчивала выпускной курс и собиралась построить блестящую карьеру. Но что-то пошло не так.

Она пришла к врачу с жалобами на усталость. Сдала анализы. И узнала «диагноз», который не вписывался в ее представления о будущем. А потом — потеряла смысл. Все, что она строила, казалось, рухнуло в одно мгновение.

Химари провела рукой по лицу, вытерла слезы и посмотрела

рела на свои руки. Маленькие, аккуратные. Руки, которые должны были лечить людей, но ставшие бесполезными.

«Как же я докатилась до такой жизни?»

Она вспомнила себя маленькой. Трехлетней Химари, которая обожала сладости. Она могла съесть целую коробку конфет за один вечер, а потом плакать от боли в зубах. Мать, уставшая после работы, вела ее к стоматологу, когда становилось совсем невмоготу. Но походы к врачу были редкими — мать работала мелким менеджером в одной из японских дзайбацу, воспитывала дочь одна, и отпроситься с работы было проблематично. Каждый пропущенный день означал вычет из без того небольшой зарплаты.

— Не плачь, Химари, — говорила мать, когда они сидели в очереди. — Скоро станет легче.

И становилось. Врач делал укол обезболивающего, сверлил, пломбировал — и боль уходила. Но оставался страх перед этим жужжащим инструментом. Перед запахом лекарств и беспомощностью, когда ты лежишь в кресле и не можешь ничего изменить.

«Ты не можешь ничего изменить, Химари, — пронеслось в голове. — Ты даже свою собственную жизнь не можешь изменить».

Она встала, подошла к маленькому столику, взяла зеркало. Посмотрела на себя: заплаканное лицо, темные круги под глазами, растрепанные волосы. Она не узнавала себя.

— Кто ты? — спросила она свое отражение. — Что ты

делаешь со мной?

Отражение молчало.

Она вспомнила, как выбирала профессию. В старшей школе она решала, куда поступать. Мать советовала что-то спокойное, стабильное. Но Химари помнила зубную боль и те моменты, когда лежала в кресле, а врач избавлял ее от страданий. Ей хотелось быть той, кто уничтожает страх. Той, к кому приходят с болью, а уходят с улыбкой.

— Я хочу лечить зубы, — сказала она матери. — Как тот доктор, который помогал мне в детстве.

Мать удивилась, но не стала отговаривать. Стоматологи в Японии зарабатывают хорошо. Профессия уважаемая. А Химари славилась упрямством — если она что-то решала, ее было не переубедить.

Она поступила. Училась. Сдавала экзамены. Студенческая жизнь была насыщенной: лекции, практика, подработки. Химари нравилось учиться и понимать, как устроено человеческое тело. Она чувствовала себя нужной. Полезной. Живой.

Девушка закрыла глаза и убрала зеркало.

«Я не могу так жить, — подумала она. — Но не могу и умереть. Потому что, если я умру, мать останется одна. И я так и не сделаю то, что хотела».

Она решила дать себе еще один шанс. Месяц. Она будет делать вид, что все хорошо, ходить на занятия и улыбаться. А потом посмотрит, что получится.

«Если ничего не изменится — я всегда могу вернуться к этому окну», — подумала она.

Той ночью она не спала. Сидела в темноте и думала о будущем, которого, возможно, не случится. О матери, которая работала всю жизнь, чтобы вырастить ее. О врачах, которые лечили ее зубы и подарили мечту. О том, что даже сейчас, в этом отчаянии, где-то внутри теплилась искорка надежды — глупая, иррациональная, но живучая.

— Я справлюсь, — прошептала она в темноту. — Должна справиться.

Она не знала, что через несколько дней в ее жизни появится человек, который изменит все. Что она встретит кого-то, кто покажет ей, что жизнь может быть другой и даже в самом темном месте можно найти свет.

Но это будет позже. А пока Химари сидела в темноте и ждала утра.

Она почти не помнила отца, тот исчез из их жизни, когда ей было четыре года, и больше не появлялся.

Химари знала о нем только по рассказам матери. Хипующий ловелас, который постоянно изменял, перебивался случайными заработками, якшался с сомнительными людьми, возможно, даже с якудза. У него были длинные волосы, яркие рубашки и вечная улыбка, которая очаровывала женщин, но ничего не стоила.

— Зачем ты вышла за него замуж? — спрашивала Химари, когда подросла.

Мать вздыхала. Отводила глаза. Говорила тихо:

— Наверное, девочки любят плохишей. Я думала, что смогу его изменить. Думала, что он станет другим, когда родишься ты.

Не стал. Когда Химари было четыре, отец просто перестал возвращаться домой. Сначала на день. Потом на неделю. Потом навсегда. Мать подавала в розыск, ходила в полицию, но поиски не дали результатов. Он будто испарился. Или просто не хотел, чтобы его находили.

— Может, он умер, — говорила мать. — Может, просто ушел к другой женщине. Или в тюрьме. Я перестала искать ответы.

Химари не помнила его лица. Только смутный образ — высокий мужчина, который поднимал ее на руки и кружил по комнате. Запах табака и дешевого одеколона. Громкий смех, который заполнял всю квартиру. А потом — тишина.

Она не злилась на него, даже не думала о произошедшем. Он был пустым местом, дырой в семейной истории. Но иногда, когда смотрела на себя в зеркало, она видела его черты в своем лице — разрез глаз, линию скул, упрямый подбородок. Она не знала, радоваться этому или ненавидеть себя.

Химари была довольно привлекательна. Ее рост составлял сто семьдесят сантиметров — выше среднего, но не слишком, чтобы не выделяться. Она была худой, почти хрупкой, с маленькой грудью и едва заметными изгибами. Никаких силиконовых форм, никаких пышных бедер — просто строй-

ное, естественное тело, которое она принимала таким, какое оно есть.

Лицо — милое, с мягкими чертами и большими глазами, которые могли быть теплыми, но теперь смотрели с тоской. Волосы — длинные, чуть ниже лопаток. Темные, прямые, блестящие. Она никогда не красила их, хотя подружки советовали попробовать что-то новое.

— Зачем? — отвечала она. — Я хочу быть собой и не собираюсь подстраиваться под кого-то.

Она не красила волосы, не делала пластические операции, не сидела на жестких диетах. Просто жила — в своем теле, со своими мыслями, со своей болью. И эта честность с самой собой была, наверное, единственным, что она сохранила.

Так что же так расстроило нашу героиню, как думаете?

Химари смотрела на тест и не могла поверить своим глазам.

Две полоски. Яркие, четкие, не оставляющие сомнений. Она перечитала инструкцию три раза. Потом еще раз. Полоски не исчезали.

Она сидела на полу в своей маленькой комнате, прижав колени к груди, и смотрела на пластиковую палочку, которая только что перевернула ее жизнь. Внутри не было страха. Но не было и радости. Только странное глухое оцепенение.

«Я беременна, — повторила она про себя. — У меня будет ребенок. От Кейташи».

Она вспомнила его лицо, улыбку. Руки, которые держали

ее, когда она плакала. Голос, когда он говорил, что любит. Они встречались больше двух лет. Планировали пожениться после выпуска. Это было так правильно, так естественно.

Теперь все изменилось.

Она отложила тест в сторону, встала, подошла к зеркалу. Посмотрела на себя. Все та же Химари — худая, с длинными темными волосами и большими глазами. Но внутри нее теперь был кто-то еще. Крошечный и невидимый. Кто-то, кого она не планировала, не ждала, не просила.

«Что я скажу Кейташи? Что скажет он?»

Она не знала.

Всю ночь она не спала. Лежала в кровати, смотрела в потолок и думала. О том, как они встретились. Как он подошел в библиотеке, спросил, не занято ли место рядом. Как они разговорились — о лекциях, преподавателях, о жизни. Как он проводил ее до дома. Как поцеловал впервые — на пустынной улице под дождем, когда она промокла до нитки, а он смеялся и прижимал ее к себе.

Она любила его. Любила тверды руки, спокойный голос, уверенность в завтрашнем дне. Он был надежным, тем, на кого можно положиться. Идеальным женихом — с которым можно построить семью, дом и будущее.

Теперь все могло рухнуть.

На следующий день она записалась к гинекологу. Прошла обследование. Врач подтвердил: беременность есть, срок маленький, четыре-пять недель. Все в порядке. Можно рожать.

Или не рожать, а можно поучаствовать в новой программе и отдать эмбрион государству, выбор за ней. Последний вариант она отмела как какой-то противоестественный. Пропанганда пока еще не сделала данный способ приемлемым для широкого круга людей.

Химари вышла из клиники, села на скамейку в парке и заплакала. Она не знала, что делать, потому что была, в сущности, еще ребенком — всего двадцать один. Она не была готова стать матерью. Но и убивать ребенка... она не могла и этого.

«Я скажу ему, — решила она. — Мы решим вместе».

Химари позвонила Кейташи. Он приехал через час — на его лице было беспокойство.

— Что случилось? — спросил он, садясь рядом.

Она молчала. Потом взяла его руку, положила себе на живот.

— Я беременна, — сказала она.

Кейташи замер. Его лицо ничего не выражало — он просто смотрел на нее. Потом медленно убрал руку.

— Срок? — спросил он.

— Четыре-пять недель.

— Ты была у врача?

— Да.

Он кивнул. Посидел молча несколько секунд. Потом заговорил — спокойно, размеренно, как на лекции:

— Вот это поворот. Хорошо, что срок маленький. Еще

можно сделать медикаментозный аборт.

Химари почувствовала, как внутри нее что-то оборвалось. Она ожидала растерянности, может, радости или вопросов. Но не этого. Не такого делового, холодного тона.

— Зачем прерывать беременность? — спросила она, стараясь говорить ровно. — Мы же все равно хотели пожениться после института. Нам не нужна пышная церемония, просто зарегистрируем брак. Мы любим друг друга. Разве нет?

— Конечно, мы любим друг друга, — сказал он мягко. — Но подумай хорошенько. Если сейчас родишь — ты не сможешь нормально сдать экзамены. Все, к чему ты стремилась, пойдет прахом.

Она хотела возразить, но он продолжал:

— Ты не сможешь работать сразу после выписки. Денег на няню у нас нет. Когда ребенок подрастет, и ты сможешь выйти на работу — уже потеряешь часть квалификации. Неизвестно, сможешь ли восстановить.

— Мы справимся, — тихо сказала Химари.

— Вся нагрузка по содержанию семьи ляжет на меня. — Голос Кейташи стал тверже. — Ты подумала обо мне? Я не смогу продолжить обучение. Буду работать как папа Карло. — Он усмехнулся. — У которого три Буратино.

Она молчала.

— Если мы сохраним этого ребенка, — продолжал он, — все, о чем мы мечтали и к чему стремились, рухнет. Зачем нам это? Давай поработаем лет пять после института. Созда-

дим подушку безопасности. Приобретем репутацию. И тогда сможем приступить к продолжению рода. Мы же с тобой медики и должны подходить к этому рационально. Выбрать правильный момент. Учесть все за и против.

Он замолчал. Посмотрел на нее. И вдруг улыбнулся — той самой улыбкой, от которой у нее когда-то екнуло сердце.

— Мы справимся, Химари. Я люблю тебя. Мы сделаем все правильно.

Он обнял ее. Крепко, надежно, как раньше. Поцеловал в губы, в щеку, в шею. Химари не возражала. Она вообще не знала, что делать.

Они занялись сексом. Прямо там, в его машине, на парковке у клиники. Химари позволяла ему делать все, что он хотел, но внутри была пуста. Ее тело двигалось, реагировало, но она не чувствовала ни боли, ни удовольствия. Только холод.

Когда все закончилось, она быстро оделась и вышла.

— Я позвоню тебе завтра, — сказал Кейташи.

Она кивнула и ушла не оборачиваясь.

По дороге домой, сидя в вагоне метро, думала о сложившейся ситуации. Конечно, Кейташи в чем-то прав, все его доводы казались абсолютно логичными и правильными, он поступал именно так, как и должен прагматичный человек, идущий к своей цели. В этот момент пришло сообщение на телефон. Химари прочитала: «Вам перевод от Кейташи Акияма». И сумма. «Прости, что сразу не предложил компенса-

ровать расходы, совсем потерял от тебя голову. Скажи мне, как все будет хорошо».

Прочитав это сообщение, Химари слегка передернулась. Хотя что тут говорить — парня она выбирала сама. Не то чтобы он ей не нравился, но без ума от любви к нему она никогда не была. За ней ухаживало достаточно юношей, но она выбрала самого предсказуемого и надежного. Именно такого, который будет всегда рядом, поддерживать и помогать, при этом не будет настолько хорош, чтобы его пытались отбить толпы девушек. Она искала противоположность своего отца, того, кто не бросит ее. Перед ней стоял образ одинокой матери, которая так и не смогла построить новую жизнь. Такого для себя Химари не хотела.

А что теперь? С одной стороны, парень не собирался ее бросать. С другой — он впервые так явно предстал перед ней как бездушный робот, запрограммированный только на принятие правильных решений.

Но Химари хотела сохранить ребенка. На это ее толкало бессознательное, те женские и материнские инстинкты, которые начинали превалировать над разумом. Мозгом она понимала, что без этого ребенка она будет лучше, качественнее жить. Но душа и все животное существо противилось этому. К тому же ее эгоистический разум восставал против парня, который не захотел взвалить на себя обязанности кормильца и подчиниться ее воле, а указал на необходимость учитывать и его планы на жизнь. Тем самым он напомнил ее отца, ко-

торый свои интересы поставил выше семьи.

Все эти мысли крутились в голове девушки в течение всей дороги домой. Окончательного решения она так и не приняла. Придя к себе, она поздоровалась с матерью. Та смотрела какой-то сериал. Химари разогрела себе ужин, поела. Завтра начинались выходные, и она решила в течение них принять решение.

Солнце уже давно встало над Токио, но Химари все лежала в кровати, глядя в потолок. Телефон молчал — Кейташи не писал. Она не знала, радоваться этому или огорчаться. Может, он ждал, что она сама примет решение. Или ему было все равно.

Она села, провела рукой по лицу. Сон не принес облегчения — она просыпалась каждые два часа, и каждый раз в груди ощущалась тяжелая, ноющая пустота. Но нужно было вставать и что-то делать.

Умылась холодной водой. Посмотрела в зеркало — лицо бледное, под глазами тени. Несмотря на отсутствие аппетита, она заставила себя съесть тост и выпить чай. Мать уже ушла на работу, оставив записку с пожеланием хорошего дня и несколькими иероглифами про то, что она ее любит.

Химари приклеила записку на холодильник, как делала всегда, и села за ноутбук.

Открыла браузер. Пальцы дрожали. Набрала в поиске: «медикаментозный аборт, как происходит, последствия».

Первая же ссылка отправила ее на сайт клиники. Там бы-

ло написано просто и сухо: «Прием таблеток на ранних сроках, выкидыш в домашних условиях, возможные осложнения». Химари перешла на форум. Там женщины писали о своем опыте — кровотечения, боли, страх, что таблетки не подействовали. Кто-то плакал. Кто-то говорил, что это было легко и быстро. Кто-то признавался, что после аборта впал в депрессию и не мог простить себя.

Она читала и чувствовала, как внутри все сжимается. Ей стало трудно дышать. Сердце колотилось — кажется, даже сильнее, чем на пробежках. Она попыталась сделать вдох, но воздух не доходил до легких. В ушах зашумело. Руки задрожали.

«Паническая атака, — поняла она. — Сейчас начнется».

Она резко захлопнула ноутбук. Откинулась на спинку стула, закрыла глаза, начала считать до десяти. Медленно. Глубоко. Один, два, три... на пятом счете дыхание выровнялось. На седьмом — сердце перестало биться как бешеное.

— Все в порядке, — прошептала она. — Все в порядке. Ты справишься.

Она открыла ноутбук снова, но на этот раз открыла Netflix. Выбрала комедию — какую-то глупую, с нелепыми шутками и предсказуемым сюжетом. Но даже смех за кадром не мог успокоить ее. Она смотрела на экран и ничего не видела. Мысли были далеко.

«Какой выбор я должна сделать? — думала она. — Если оставляю ребенка — я не закончу институт. Или закончу, но

с худшими результатами. Не смогу работать. Буду сидеть с матерью, зависимая от нее, пока Кейташи будет строить карьеру. Он уйдет или останется из чувства долга, но будет ненавидеть меня. А если я сделаю аборт — смогу доучиться. Стать стоматологом. Зарабатывать. Жить своей жизнью. Родить потом, когда буду готова».

Она хотела с кем-то посоветоваться. Позвонить матери, подруге, кому угодно. Но тотчас отбросила эту мысль. Мать будет волноваться. Подруги начнут сплетничать. Кейташи уже сказал свое слово — и это слово не оставляло места для сомнений. Кроме того, были вопросы стыда... она не могла представить, чтобы кто-то узнал о ее положении. В японском обществе беременность без брака — это позор. Даже сейчас, в двадцать первом веке.

«Я должна решить сама, — сказала она себе. — И не хочу, чтобы кто-то принимал решение за меня».

Она встала, переоделась в спортивный костюм, сунула ноги в кроссовки. Пробегка всегда помогала. Когда тело уставало, голова становилась яснее.

Она выбежала из дома и сразу почувствовала прохладный утренний воздух. Токио уже жил своей жизнью — машины, люди, звуки. Химари бежала по набережной, вдоль реки. Дыхание становилось ровнее, ноги несли тело вперед, а мысли начинали укладываться в стройные ряды.

«Карьера, — думала она. — Я хочу быть стоматологом. Это моя мечта с детства. Я хочу помогать людям избав-

латься от боли, хочу быть независимой. Зарабатывать сама. Не зависеть ни от мужа, ни от матери».

Она вспомнила, сколько сил потратила на поступление. Сколько ночей сидела над учебниками. Сколько экзаменов сдала. Неужели все это должно пропасть из-за одной случайности?

«Ребенок — это навсегда, — продолжила она. — Восемнадцать лет ответственности. Или больше — сейчас дети сидят на шее у родителей до тридцати. Я не хочу этого, хочу жить своей жизнью, а не жизнью матери».

Она сделала еще один круг. Ноги начали уставать, но мысли двигались быстрее.

«Родить я еще смогу, — решила она. — А вот построить успешную карьеру будет гораздо тяжелее. Особенно если я выпадну из учебного процесса. В медицине это фатально — пропустишь год, и все, ты уже неконкурентна. К тому же... к концу института всех нормальных мужчин уже разберут. А с ребенком найти хорошего мужа будет в разы сложнее».

Она остановилась, уперлась руками в колени, пытаясь отдышаться.

«Я решу. Сегодня».

Она записалась на прием к гинекологу на следующий день.

Кабинет был маленьким и стерильным. Пахло дезинфекцией. Химари сидела на кушетке, сжав руки в кулаки.

— Вы уверены? — спросила врач, женщина лет пятиде-

сяти с добрыми, но усталыми глазами. — Это серьезное решение.

— Я уверена, — сказала Химари. Голос не дрогнул.

Ей выписали таблетки. Объяснили, как их принимать, какие могут быть побочные эффекты. Химари слушала внимательно, кивала, задавала вопросы. Врач смотрела на нее с сочувствием, но ничего не сказала. Она знала — в таких случаях лучше не пытаться переубеждать.

Дома Химари приняла первую таблетку. Потом вторую. Смотрела в окно, ждала. Ничего не происходило. Живот не болел, крови не было. Только пустота внутри — та самая, к которой она начала привыкать.

— Все, — сказала она вслух. — Как будто ничего и не было.

Она думала, что ей станет легче. Но стало только тяжелее. Химари ушла в свою комнату, села на кровать, обхватила колени руками и заплакала. Не от боли, не от страха. От потери. От того, что все, что было внутри нее — маленькая жизнь, часть ее самой, — исчезло. Теперь там была только пустота.

Она заплакала и долго не могла остановиться.

2. Комсомольская путевка

Осень в Рязани выдалась на удивление ласковой. Александр, подтянутый парень с ясными глазами и твердой рукой, стоял на крыльце родительского дома и вдыхал свежий ветер. К своим двадцати двум годам у него за плечами была служба в армии, а в активе — красный диплом сварщика-профессионала, в кармане — комсомольский билет, который превращался или уже превратился в бесполезную красную книжечку, и ни капли сомнений.

В училище говорили: «Будешь работать на заводе, как отец». А что? Отец, Петр Ильич, человек уважаемый, двадцать пять лет у станка — орден Трудового Красного Знамени имеет. Только вот времена немного поменялись. По телевизору говорили странные слова: «ускорение», «гласность», «перестройка». Из этого самого телевизора начало веять свободой и красивой жизнью, но, как это часто бывает, все оказалось миражем, за которым скрывалась суровая действительность. Под видом борьбы с несправедливым обществом было разрушено все хорошее, что построил СССР, а взамен дали еще больше несправедливости. Данную ситуацию очень хорошо описал один политический деятель: «Хотели как лучше, а получилось как всегда». Завод, на котором работал отец, дышал на ладан, в родной Рязани начались перебои с продовольствием, пустые полки магазинов украша-

ли только пыль, а город начали заполнять первые кооператоры, которые начинали превращаться в уважаемых бизнесменов, а за ними и различные криминальные элементы, промышлявшие рэкетом.

А Саше этого всего не хотелось. Конечно, просто так прозябать он не собирался, но достойную жизнь как-то нужно было строить!

Объявление на дверях техникума он заметил сразу. Красочный плакат: «Молодежь! На стройки Севера! Высокие заработки, жилье, перспектива роста! Обращаться в горком комсомола». Заводы, производящие ценные металлы, которые можно было продавать на мировом рынке, не закрывались никогда. Даже с приходом капиталистических отношений они оставались немногими очагами стабильности в эпоху перемен. Александр решил попытать счастья и подал заявку.

— Смелое решение, — одобрил мастер Павел Сергеевич, сам ездивший строить БАМ и получивший благодаря этому квартиру в родной Рязани. — Норильск — это школа жизни. Там такие заводы, такие возможности! Стране металл дает. Почетное дело, и зарабатывать будешь соответственно.

Рекрутер, молодой парень с комсомольским значком, приехал прямо в общежитие. Разложил на столе яркие буклеты: цеха высотой с пятиэтажку, улыбающиеся рабочие в новеньких ватниках, вечерний город с огнями. Все это напоминало эпоху, уходящую в прошлое.

— Слушай, друг, — бодро начал он, — через три месяца твоя ставка вырастет в три раза. Льготная выслуга: год за два. Жильем обеспечим, а как выработаешь северный стаж, дадим квартиру в любой точке Союза — хоть в Рязани, хоть в Сочи. А главное — опыт, какого нигде не получишь. Норильский комбинат — флагман индустрии. Хочешь стать настоящим мастером — поехали!

Саша не колебался ни минуты. Конечно, устаревшие лозунги комсомольского активиста вдохновляли его не сильно, но он понимал, что там платят нормальные деньги, а это главное. Потому пошел к родителям, чтобы сообщить о своем решении:

— Мама, папа! Не волнуйтесь, все будет отлично. Еду на Север, в Норильск. Это не просто работа — это путевка в жизнь! Я вернусь с деньгами, с опытом, а тут, к сожалению, перспектив не вижу.

Глаза Александра в этот момент светились решительностью.

Родители хоть и вздыхали, но выразили поддержку:

— Сашенька, раз сердце зовет — поезжай. — Мама добавила: — За тебя молиться буду. Там тяжело работать, но ты справишься. Береги себя, но и не робей. Бог в помощь!

В начале ноября, когда первый снежок припорошил рязанские поля, Саша стоял на перроне вокзала. Рюкзак за спиной, два чемодана — в том числе теплые вещи. Папа, как опытный любитель зимней рыбалки, сказал: «Нужно оде-

ваться теплее и о здоровье заботиться, не надеясь, что кто-то о тебе подумает, а то можно и воспаление легких заработать». Провожать пришел друг Женька, сосед по общежитию, хлопнул по плечу: «Счастливого, Санек! Докажи, что рязанские не лыком шиты!»

Маршрут Александра был такой: на поезде до Москвы, а оттуда уже самолетом до Норильска. Поезд тронулся. За окном поплыли поля, перелески, редкие деревни. Саша выглянул в окно — солнце пробивало тучи. Хороший знак. Он достал из кармана фотографию: мать, отец и он у нового «Запорожца». Отец тогда только что получил премию, мать смеялась. Скоро у него еще лучше будет.

Знаю: будет трудно, но я трудностей не боюсь. Норильск, встречай!

Поезд мерно стучал колесами, унося его в новую, большую жизнь. Впереди была полярная ночь, морозы за пятьдесят, работа на пределе человеческих возможностей. Но Саша не боялся. Он знал: там, среди труб и вечной мерзлоты, будет коваться его светлое будущее.

Ничего, справимся. Мы же советские люди.

3. Пустота

Жизнь вернулась в привычное русло. Химари снова ходила на лекции, готовилась к экзаменам, улыбалась одногруппникам. Она научилась делать вид, что все хорошо. Никто не замечал, что внутри у нее пустота.

Кейташи позвонил через два дня после аборта. Голос был бодрым, почти радостным.

— Привет, Химари. Все прошло?

— Да, — сказала она.

— Ты молодец. Я так переживал за тебя. Давай сегодня сходим в кафе? Я знаю одно место, там отличный кофе.

Она хотела отказаться. Но не смогла. Сказала:

— Хорошо. Давай.

Они встретились после занятий. Кейташи выглядел расслабленным и счастливым — он нес что-то о своей новой научной статье, о перспективах в кардиологии. Химари слушала и кивала. Она знала, что он говорит о важных вещах, но слова не достигали ее сознания.

Они зашли в уютное кафе, сели за столик у окна. Кейташи сделал заказ. Химари смотрела в окно на прохожих. Жизнь шла своим чередом, и ей казалось, что она наблюдает за ней со стороны — отстраненно и безучастно.

Вдруг за соседний столик села семья. Мама, папа и мальчик лет трех. Мальчик был непоседливый, он ерзал на стуле,

смеялся, тянул руки к еде. Родители улыбались, пытались его успокоить, но он продолжал крутиться и бегать вокруг стола.

Химари смотрела на них и чувствовала, как внутри закипает что-то темное и тяжелое. Она взглянула на мальчика: на его круглые щеки, смеющиеся глаза, ручки, которые он тянул к родителям. Взглянула на мать, которая поправляла ему волосы и целовала в макушку.

«Это мог быть мой ребенок, — подумала Химари. — Такой же маленький. Такой же живой. Я могла бы целовать его, как эта женщина. Я могла бы быть матерью».

От этой мысли ей стало дурно. Она отвела взгляд, но не могла перестать слышать их голоса — радостные, беззаботные, настоящие.

Мальчик сорвался с места. Он побежал по залу, смеясь, и вдруг столкнулся с Кейташи. стакан сока, стоявший на краю стола, опрокинулся прямо ему на рубашку.

— Ой! — воскликнул Кейташи. — Черт!

Он вскочил, отряхиваясь. Родители мальчика подбежали, начали извиняться, предлагали заплатить за химчистку. Кейташи улыбнулся, сказал, что ничего страшного, но его лицо было напряженным.

Когда они отошли, он тихо сказал Химари:

— Такой обормот не даст спокойно отдохнуть. Пойдем отсюда. Не будем ждать заказ.

Они ушли. На улице Химари спросила:

— Он же просто ребенок. Почему ты так разозлился?

— Я не разозлился, — ответил Кейташи. — Но это же неуправляемый хаос. Родители не могут с ним справиться. И всюду с собой таскают. В кафе, в парк... Где можно отдохнуть?

Химари ничего не сказала.

Они пошли в парк. Купили по мороженому. Было тепло, на аллеях гуляли люди с собаками — кто-то с большим золотистым ретривером, кто-то с маленьким пуделем. Химари смотрела на них и улыбалась. Она любила собак.

— Я не понимаю этих людей, — сказал Кейташи, глядя на девушку, которая выгуливала лабрадора. — Зачем заводить мохнатого зверя? Гулять с ним каждое утро, таскать на прививки, тратить деньги... Это же просто обуза.

— Может, они любят их, — тихо сказала Химари, — и им нравится заботиться о ком-то.

— Мне кажется, это просто глупо.

Он доел мороженое, вытер руки салфеткой. На его лице было выражение скуки и легкого превосходства. Химари смотрела на него и видела — он не понимает. И никогда не поймет. Ему не нужен никто, кроме него самого.

Они пошли к метро. Кейташи проводил ее до турникета, легко поцеловал в щеку и сказал:

— До завтра. Напиши.

Она кивнула и пошла вниз по эскалатору. Только когда поезд тронулся, Химари позволила себе выдохнуть. Слезы подступили к глазам, но она сдержалась.

«Он не любит меня, — поняла она. — Он любит только себя. И как только я перестану соответствовать его критериям — он меня отбракует, даже не заметив».

Она сидела в вагоне и смотрела на свое отражение в темном стекле. Она не узнавала себя.

Через два дня она встретилась с Маюми, своей подругой со школы. Они не виделись несколько месяцев, и Маюми была полна новостей. Она только что вернулась со свадьбы своей старшей сестры.

— Это было так красиво! — восклицала Маюми, размахивая руками. — У нее было платье с длинным шлейфом, и они заказали торт в три яруса, все гости танцевали... Я тоже хочу такую свадьбу!

Химари смотрела на нее. Маюми говорила и говорила, и каждый ее возглас отдавался внутри Химари как удар. Она не могла больше это слушать. Веселые голоса, радостные лица, беззаботный смех — все это казалось ей издевательством.

— Хватит! — вдруг сказала Химари. Громче, чем планировала.

Маюми замолчала.

— Хватит, — повторила Химари уже тише. — Просто... хватит. Ты все время говоришь о свадьбах, о детях, о счастье. А я не могу это слышать. Не могу, Маюми.

— Прости, — растерянно сказала подруга. — Я не хотела...

— Все в порядке, — перебила Химари. — Это не твоя вина. Я просто... устала.

Они допили свой чай в тишине. Маюми больше не задавала вопросов. Когда они прощались у метро, она обняла Химари и сказала:

— Если хочешь поговорить — я здесь.

Химари кивнула. Она не хотела говорить. Она хотела забыть.

Дома Химари сразу легла. Сил ни на что не было. Она закрыла глаза и провалилась в сон.

Но и во сне не было покоя.

Ей снился суд. Белый зал, высокие потолки, судья в черной мантии. Она стояла на скамье подсудимых, и все вокруг смотрели на нее с осуждением. Ее судили за убийство.

— За что? — кричала она. — Я никого не убивала!

Но доказательства были неумолимыми: руки в крови. И, посмотрев на свои ладони, она поняла: кровь не чужая. Она была ее собственная. Кровь ее нерожденного ребенка.

Она проснулась в холодном поту. Сердце колотилось. Она лежала в темноте и не могла отдышаться. Сон был таким реальным и живым, что все еще чувствовался запах крови.

Химари села в кровати. Посмотрела на свои руки. Чистые. Сухие. Но в памяти она все еще видела их красными.

Стало ясно, что ей нужна помощь. Она сама медик, но не может вылечить себя. Это выше ее возможностей.

Она записалась к психологу. Дорого, но ей было плевать.

Химари ходила на приемы целый месяц. Рассказывала о своих чувствах, о страхах, о сне. Психолог задавал вопросы, она отвечала. Ей казалось, что становится легче. Но потом наступала ночь, и все возвращалось с новой силой.

Результата не было. Только пустота.

Она почти не виделась с Кейташи. Он звонил, писал, предлагал встретиться. Она отказывалась. Он не понимал, что происходит, и начинал злиться. Химари говорила: «Я устала» или «Мне нужно учиться». Он не верил, но отставал.

Однажды он позвонил и сказал спокойным, ровным голосом:

— Химари. Я подумал. Может, нам нужно сделать перерыв в отношениях?

Она замерла.

— Что?

— Перерыв. На время. Ты все равно избегаешь меня, мы почти не видимся. Я не понимаю, что с тобой происходит, и ты мне не объясняешь. Это нечестно по отношению ко мне. Мне нужно спокойствие, нужно готовиться к экзаменам, думать о будущем. А ты... ты меня просто выматываешь.

— Ты предлагаешь расстаться? — тихо спросила Химари.

— Нет. Я предлагаю перерыв. Мы можем встретиться через месяц-два, поговорить, понять, что мы чувствуем. Если ты захочешь. — Он сделал паузу. — Но, если нет... значит, так тому и быть.

Химари молчала. Внутри все оборвалось.

«Он просто уходит, — поняла она. — Он не хочет меня, хочет избавиться от обузы. Я стала ему неудобна, и он меня отбрасывает».

— Если ты так хочешь, — сказала она. — Пусть будет перерыв.

— Спасибо, что понимаешь, — ответил Кейташи. — Я позвоню тебе через месяц. Хорошо?

— Хорошо.

Она положила трубку. Посидела на кровати, глядя в стену. Внутри была пустота — уже привычная, знакомая.

«Он меня не любил, — подумала она. — Я просто была частью плана. Удобной частью. А когда стала неудобной — он меня выбросил».

Она легла на кровать и закрыла глаза. Слезы не шли. Только пустота.

Она решила, что больше никогда никого не полюбит. Никогда не даст никому шанса причинить ей такую боль.

4. Полярная кузница

Самолет заходил на посадку сквозь плотную пелену облаков. Александр прилип к иллюминатору, пытаясь разглядеть землю. Внизу простиралась выжженная, черно-бурая тундра, кое-где припорошенная первым снегом. Ни деревца, ни кустика — только бескрайняя, мертвая пустошь, и среди нее серые пятна панельных пятиэтажек, трубы заводов, клубы пара.

— Норильск, блин, — буркнул сосед слева, мужик с легким перегаром. — Родина трех царей: Мороза, Ветра и Тяжелых трудовых денег. Первый раз сюда, парень?

— Первый, — признался Саша, чувствуя, как внутри все сжимается.

— Ничего, привыкнешь. Или сбежишь.

Самолет тряхнуло при посадке. Из динамиков проскрежеotalи про температуру за бортом: минус тридцать два. В Рязани в это время ноябрьская слякоть, а тут уже лютый мороз.

Трап подали прямо в аэропорт — маленькое, тесное здание с запахом мазута и дешевых сигарет. Первое, что ощутил Саша, выйдя из самолета, — воздух. Он был другим. В горле першило, а легкие будто схватило ледяными клещами. Ветер — пронизывающий, злой, срывающий шапку — сразу дал понять: здесь все серьезно.

В отделе кадров комбината его встретили без лишних сан-

тиментов. Худой парень с бланками продиктовал: «Общежитие на улице Павлова, комната 417. Рабочий день с восьми утра, обед с часу до двух, выходные скользящие. За прогулы — выселение и билет за свой счет. Понял?»

Общага оказалась типичной «кораблиной» — пятиэтажка, где в каждой комнате по четыре койки, общий коридор, туалет и душ на этаже. Саше выделили угол в комнате, где уже жили двое: Толик из Челябинска, худой парень с золотым зубом, и Вован — здоровенный детина с лысой головой, работавший на обогатительном комбинате.

— О, свежее мясо! — усмехнулся Толик. — Сварщик? Повезло. Там хоть в тепле, а мы на улице мерзнем.

Саша бросил чемоданы на свободную кровать. Пружины жалобно скрипнули. На подоконнике грудились банки с тушенкой, буханка черного хлеба, алюминиевая кружка.

— Первые две недели акклиматизация, — предупредил Вован, не отрываясь от газеты. — Башка болеть будет, тошнить, спать захочется постоянно. Не пугайся. Чай пей с облепихой, тут в столовой дают бесплатно. И главное — не пей на ночь, а то сердце остановится. У нас такой случай был.

Цех, куда его определили, назывался «Электролизный». Гигантское помещение с высоченными потолками, запахом серы и аммиака, грохот кранов и лязг металла. Бригадир, дядька лет пятидесяти с прокуренным голосом и орденом на кителе, оглядел Сашу, как бычка на бойне.

— Петров? Красный диплом? Ну-ну. Сейчас покажешь,

чему вас в училище учили.

Саша надел робу, каску, сварочную маску. Первый шов дался легко — рука помнила. Второй, третий. Бригадир молча наблюдал, потом кивнул: «Нормально. Пойдешь на сварку никелевых ванн. Там работа подотчетная — швы должны быть идеальными, иначе кислота пойдет. Ошибка — выговор. А если емкость лопнет — посадят. Понял?»

Зарплата была как обещали. После вычетов за общежитие, питание и спецодежду на руки выходило чуть меньше обещанного. Но для Рязани — космос. Однако в Норильске продукты были дорогие: молоко в полтора раза, мясо — вдвое.

Первые два месяца были адом. Акклиматизация выматывала: Саша постоянно хотел спать, кружилась голова. Бригадир ругался за медлительность, но другие сварщики подсказывали: «Ничего, прорвешься. Тут все через это проходят». К Новому году он более-менее втянулся. Рука набрала нужную скорость, швы стали ровными, как по линейке.

В январе он отправил первое письмо в Рязань и перевел денег. «Мама, папа. Я тут устроился. Работа тяжелая, но платят хорошо. Держитесь. Саша».

Ответ пришел через две недели. Мать плакала на почте, прочитав письмо. Отец, обычно скупой на эмоции, написал всего одну фразу: «Ты молодец. Мы гордимся».

Лето 1991-го в Норильске было хотя бы не морозным. Солнце не заходило круглые сутки — полярный день. Саша

уже привык спать с плотными шторами, хотя поначалу это сводило с ума.

Как-то в августе, после смены, он зашел в комнату отдыха. Там висел черно-белый телевизор, и диктор дрожащим голосом объявил: «В стране введено чрезвычайное положение. Президент Горбачев отстранен от власти. Создан Государственный комитет по чрезвычайному положению».

Толик присвистнул:

— Ну все, братва. Конец.

Вован молча налил из припрятанной бутылки. Саша отказался. В голове была одна мысль: а завод-то работать будет? Зарплату-то заплатят?

Дальше события закрутились как в калейдоскопе. ГКЧП провалился, Горбачев вернулся, но страна уже не слушалась. Ельцин на танке. Беловежские соглашения. Саша помнил тот день: 8 декабря 1991 года. Он стоял в цеху, варил очередной шов, когда бригадир глухо сказал: «Все, парни. Нет больше Союза. Подписали. Готовьтесь — теперь и завод наш, может, прикроют и попилят на металлолом. Никому мы не нужны в новой России».

По цеху поползли слухи: комбинат хотят приватизировать, продать за бесценок иностранцам. Кто-то говорил, что все северные города закроют — слишком дорого содержать инфраструктуру, слишком много льгот. «Новая власть скажет: уезжайте, ребята, куда хотите, а здесь теперь рынок».

Люди начали паниковать. Соседи по общежитию — Толик

и Вован — уже упаковывали чемоданы.

— Саш, вали отсюда, пока не поздно! — кричал Толик. — Езжай в Рязань, к родителям. Там хоть земля есть, огород, не пропадешь. А здесь все рухнет.

Но Саша медлил. В нем боролись страх и упрямство. Он вспомнил пустые полки рязанских магазинов, умирающий завод отца, мать, которая варила пустые щи. Дома было не лучше — может, даже хуже. Там гарантированно нищета. А здесь хотя бы призрачный шанс.

В кабинете начальника цеха устроили собрание. Седоусый директор, Владимир Иванович, до этого молчаливый и жесткий, выглядел непривычно уставшим.

— Товарищи... граждане, — начал он. — Страна теперь другая. Россия. Но комбинат не закроется. Я веду переговоры. Предприятие переведут в акционерное общество, контрольный пакет останется у государства. Нас не бросят — слишком много нужно стране цветных металлов. Но будут трудности. Огромные. Зарплату могут задержать, но заплатят. Кто хочет уезжать — уезжайте сейчас. Время есть. Кто останется — тому будет тяжело. Но потом, если выдержим, — мы станем одними из немногих, у кого в этой стране будут работа и деньги.

В зале зашумели. Кто-то крикнул: «А обещанные квартиры?», «А северный стаж?». Директор поднял руку:

— Все, что обещано советской властью, теперь под вопросом. Но обещаю: если останетесь и будете работать — я буду

биться за каждого. Я сам не уеду, тут остаюсь, понимаете? И вы оставайтесь. Или не оставайтесь — решайте.

Саша стоял в конце зала, прислонившись к колонне. Переводил взгляд с одного лица на другое. В глазах старых рабочих он видел ту же растерянность, что и в своих.

Ночью он долго не спал. Смотрел в маленькое окно, за которым чернела полярная ночь с редкими огоньками. Написал письмо родителям: «Мама, папа. Тут все непонятно, но работу предлагают, я не поеду. В Рязани работы нет, я буду сидеть у вас на шее, а там и без меня туго. А здесь я нужен. Завод, похоже, выживет. Не волнуйтесь. Деньги буду высылать, как смогу. Саша».

Он запечатал конверт и вышел в коридор покурить. Там уже стоял Вован с потухшей сигаретой.

— Остаешься? — спросил лысый детина.

— Остаюсь, — ответил Саша.

— Зря. Но... уважаю. Я тоже остаюсь. Не в Челябинск же мне, там теперь бандиты постреливают. А здесь хотя бы мороз убивает, а не пуля.

Они пожали друг другу руки.

1992 год оказался кошмаром, как и предупреждал директор. Зарплату задерживали на три-четыре месяца. Когда выдавали — деньги обесценивались быстрее, чем их успевали тратить. В магазинах лежали одни консервы и крупы, свежее мясо доставалось только по блату. Но комбинат работал. Никель, медь, кобальт — все это оказалось востребовано даже

в новой России, особенно когда на заводах появились иностранные заказчики.

Саша вкалывал по двенадцать часов, часто без выходных. Научился экономить на всем, кроме отправки денег домой. Каждый месяц он переводил родителям половину зарплаты — сначала его рубли тут же превращались в ничто из-за инфляции, потом, после новой денежной реформы, валюта сделалась устойчивей.

К 1994 году комбинат окончательно утвердился на ногах. Акционирование прошло, но директор сдержал слово — рабочих не сокращали. Северный завоз продуктов отлаживали через собственные снабженческие структуры. Появились первые импортные товары в магазинах — правда, по бешеным ценам, но хоть что-то.

Александр получил повышение — стал бригадиром сварщиков. Теперь он сам учил молодых, показывал им швы. И его заметили.

Прошло пять лет. 1996 год.

Александр сидел в той самой кухне в Рязани, где когда-то родители пили чай без сахара. Сейчас перед ними на столе лежала копченая колбаса (сейчас ее называли «сервелат»), сыр, масло, даже бананы — мать специально купила к приезду. В углу гудел новый холодильник «Стинол», тоже его подарок. Отец, Петр Ильич, орден на груди уже не носил и говорил вполголоса:

— А мы с матерью не верили, что выживем. Завод наш

закрыли в девяносто третьем. Я пошел в сторожа, мать — уборщицей. Если бы не ты, Саша — по миру бы пошли. А сейчас — смотри, ремонт сделали, холодильник, телевизор импортный, видеоманитофон. Соседи завидуют.

Мать плакала — теперь уже от счастья.

— Сашенька, а когда ты сам-то женишься? Когда домой вернешься? Мы так хотим внуков.

Александр усмехнулся. Он был крепче, чем пять лет назад. На лице — морщины от ветра и мороза, руки в мелких шрамах от окалины. Но глаза остались ясными.

— Мам, может, еще нескоро. Там дела. — Он помолчал. — Но знаете, я ни разу не пожалел, что остался. Вы же живы, здоровы. Денег хватает. И я на месте. Норильск — это, конечно, ад. Но он платит за ад. И пока он платит — я буду там. Ради вас.

Он достал из кармана фотографию, сделанную на заводе: он в каске, на фоне цеха, рядом — бригада, все улыбаются.

— Вот так я живу, — сказал он. — И ничего.

Вечером, когда родители легли спать, Александр вышел на крыльцо. Вдохнул сырой рязанский воздух. Вспомнил, как шесть лет назад стоял здесь и читал объявление про север. Тогда он не знал, что будет развал, задержки зарплаты и полярные ночи. Но знал одно: он сделал правильный выбор.

Потому что его семья больше не нуждалась.

5. Сто лет

Дом престарелых пах дезинфекцией и старой мебелью. Этот запах всегда вызывал у Химари смешанные чувства — что-то между детским страхом перед больницами и ощущением уюта бабушкиного дома, который остался только в воспоминаниях. Она поморщилась, когда они вошли в вестибюль, но мать взяла ее за руку и сжала — несильно, ободряюще.

— Бабушка ждет, — сказала она. — Ей сегодня сто лет. Постарайся улыбаться.

Химари кивнула. Она взяла цветы — большие белые хризантемы, бабушкины любимые — и пошла за матерью по длинному коридору. Стены были выкрашены в бледно-зеленый цвет, повсюду висели картины с пейзажами и фотографии постояльцев в молодости. У каждой двери стояли таблички с именами.

Они нашли бабушку в общей гостиной. Она сидела в кресле у огромного окна, выходившего в небольшой сад, и улыбалась. На коленях у нее лежал старый плед, который она вязала много лет назад, но так и не закончила.

Бабушка была маленькой и сморщенной, ее тело сжималось с каждым годом, становясь все более хрупким. Белые, почти прозрачные волосы были собраны в тонкий пучок на затылке. Ее глаза, выцветшие от времени и от жизни, смотрели

рели на мир с той особенной детской радостью, которая иногда появляется у очень старых людей — когда они уже перестали бояться и научились принимать все как есть. Деменция много лет стирала ее память, но иногда, в редкие моменты ясности, она становилась прежней — острой, живой, с хитринкой во взгляде.

— Бабушка, — сказала Химари, подходя. — С днем рождения!

Старушка повернула голову. Посмотрела на нее долгим, внимательным взглядом. И вдруг улыбнулась — широко, узнавая, и эта улыбка осветила старческое лицо, сделав его почти молодым.

— Химари! Моя девочка! Ты пришла! — Она протянула руки, и Химари обняла ее, чувствуя хрупкость старого тела под тонкой кофтой. Пахло от бабушки мятой и старым деревом — уютно, по-домашнему, как в детстве, когда она проводила у нее целые летние каникулы.

— Мы принесли тебе цветы, — сказала мать, ставя вазу на стол. — Хризантемы. Ты любишь.

— Люблю, — кивнула бабушка. — Моя мама тоже любила хризантемы. Она сажала их в саду каждую весну. Желтые, белые, красные... Однажды я сорвала их все и принесла в дом. Она рассердилась, но потом мы поставили их в вазу, и они стояли целую неделю. Боже, как давно это было...

Они посидели немного, выпили чаю, съели по кусочку торта, который принесли сотрудники дома. Бабушка была

спокойна и тиха, только иногда ее взгляд становился отсутствующим, и она начинала смотреть в пустоту, будто видела что-то, невидимое другим. Но потом она снова возвращалась в настоящее, улыбалась и задавала вопросы о том, как у Химари учеба, как дела у ее матери, не собирается ли внучка замуж.

— Я пока не думаю о замужестве, бабушка, — ответила Химари, стараясь улыбнуться.

— Не думаешь? — Бабушка наклонила голову, и в ее взгляде мелькнула лукавая искра. — А я в твоём возрасте уже была замужем. Двадцать один год — самое время. У тебя есть кто-то на примете?

— Бабушка, — вмешалась мать, — не дави на нее. У нее еще вся жизнь впереди.

— Вся жизнь, — эхом повторила бабушка, и что-то в ее голосе изменилось. Она посмотрела на Химари долгим, пронзительным взглядом, и в нем появилась ясность — та самая, которая наступала в редкие моменты. — Химари, девочка моя... ты знаешь, как я рада, что ты родилась?

— Знаю, бабушка, — ответила Химари, чувствуя, как что-то сжимается внутри.

— Нет, не знаешь. Ты не знаешь всей истории. — Бабушка наклонилась вперед, ее глаза стали яснее, чем за весь день. — Я хочу рассказать тебе еще раз. Чтобы ты запомнила и никогда не забывала.

Химари кивнула. Она знала эту историю наизусть. Бабуш-

ка рассказывала ее много раз — особенно в последние годы, когда ее память начала путаться, и она все чаще возвращалась к своим самым ярким воспоминаниям. Но Химари не стала перебивать. Иногда человеку нужно рассказывать свою историю, чтобы помнить, кто он есть.

— Мой отец — твой прадедущка — был хобакуся. Он пережил Хиросиму, — начала бабушка, глядя куда-то далеко, за спину Химари, в свое прошлое. — Акира — так его звали — был еще мальчиком, когда все случилось. Он еще не ходил в школу. И это были его самые яркие воспоминания. Самые страшные. Но тогда, в том аду, он выжил.

Химари слушала и чувствовала, как слова бабушки проникают под кожу. Она слышала эту историю много раз, но сейчас, когда сама сидела в этой комнате с пустотой в груди, каждое слово отдавалось эхом внутри.

— В тот день, — продолжала бабушка, — Акира был далеко от эпицентра. Достаточно далеко, чтобы не погибнуть мгновенно. Но достаточно близко, чтобы видеть все. Он видел небо, которое стало белым, а потом оранжевым. И ударную волну, которая сметала дома, как карточные домики. А еще людей, которые бежали по улицам с обгоревшей кожей, которая свисала с них клочьями. Людей, которые падали и уже не вставали. Он был маленьким, но запомнил каждую деталь. Он помнил эти лица всю свою жизнь.

Бабушка замолчала. Ее глаза были влажными. Она смотрела в окно, на сад, но не видела его.

— Его мать была беременна, — продолжила она. — Отец служил в армии, и они остались вдвоем. Они выжили, но не все. Ребенок, которого она носила, погиб в тот день. И она больше никогда не могла иметь детей. Радиация убила в ней эту возможность.

Она перевела взгляд на Химари.

— Сам Акира тоже получил большую дозу радиации. Он облысел на всю жизнь — у него никогда не было волос. И были хронические проблемы с желудком. А в конце концов он умер от рака. Рака, который ему подарила та бомба.

— Бабушка, — тихо сказала Химари, — может, не надо...

— Надо, — твердо сказала бабушка. — Ты должна знать. Их спасло то, что отец вернулся с войны. Он был инженером. Квалифицированным, хорошим. Его пригласили на работу в Токио, и они уехали. Спаслись. Но всю оставшуюся жизнь скрывали, что жили в Хиросиме. Потому что к хибакуся относились как к прокаженным. Люди боялись заразиться, боялись, что они приносят несчастье. Их избегали. Никто не хотел с ними дружить. Акире пришлось несколько раз менять школу, потому что дети не хотели сидеть с ним за одной партой.

Она снова замолчала. В гостиной было тихо — только часы тикали на стене.

— Мой отец, Акира, думал, что у него никогда не будет детей. Радиация сделала свое дело. Он смирился с этим, но очень хотел семью. И когда встретил мою мать, он не верил,

что у них что-то получится. Не думал, что сможет подарить ей ребенка.

Бабушка повернулась к Химари, и в ее глазах стояли слезы.

— Но я родилась вопреки всему. Вопреки бомбе, радиации, врачам. И когда увидел меня в первый раз, он заплакал: не мог поверить, что у него есть дочь. Он держал меня на руках и говорил: «Это чудо, настоящее чудо». И он был прав.

Химари слушала и чувствовала, как внутри нее поднимается что-то теплое. Она думала о бабушке, которая сидела перед ней — сто лет жизни, боли и радости, сто лет борьбы. А еще о прадедушке Акире, который выжил в аду, но смог полюбить и создать семью, о его матери, которая потеряла ребенка в Хиросиме и больше никогда не могла иметь детей. И о себе.

«Моя бабушка родилась вопреки всему, — поняла она. — Моя мать родилась вопреки всему. Я родилась вопреки всему. Целая цепочка случайностей, которые привели к тому, что я сижу здесь, в этом кресле, с бабушкой в день ее столетия. И каждая из этих случайностей — чудо».

— Сейчас мне сто лет, — сказала бабушка, и ее голос стал тверже. — Я видела многое. И войны, и как меняется мир, как уходят те, кого я любила. Но никогда не переставала улыбаться. Потому что знаю: я — чудо. И ты — чудо, Химари. Никогда не забывай этого. Твоя жизнь — это не случайность. Это дар. Даже когда кажется, что все потеряно, помни: ты

здесь, жива и можешь сделать этот мир лучше.

Химари смотрела на бабушку и не могла вымолвить ни слова. Слезы текли по ее щекам, но это были не слезы боли. Это были слезы осознания.

Позже, когда они прощались, бабушка обняла ее и прошептала на ухо:

— Прости себя, девочка. Что бы ты ни сделала — прости. Жизнь слишком коротка, чтобы нести на себе груз вины. Мы все ошибаемся, совершаем поступки, о которых жалеем. Но мы не должны позволять этому уничтожать нас.

Химари замерла. Может, бабушка просто чувствовала или видела в ее глазах ту же боль, которую когда-то носила сама.

Она не стала спрашивать, просто поцеловала бабушку в щеку и вышла.

На улице, когда мать спросила, не поехать ли им вместе домой, Химари покачала головой.

— Я пойду прогуляюсь. Мне нужно подумать.

Мать посмотрела на нее с тревогой, но не стала спорить. Только сжала руку и сказала:

— Возвращайся не поздно.

Химари кивнула и пошла по улице, сама не зная куда. Токио шумел вокруг — привычный, равнодушный, огромный. Машины сигналили, люди спешили, светофоры мигали красным и зеленым. Она шла по мосту через реку, смотрела на воду и думала.

«Я убила своего ребенка, убила продолжение самой себя.

Чудо, которое случилось вопреки всему. Это моя вина. Мой выбор, ошибка».

Она смотрела на темную воду и представляла, как ее тело падает вниз. Один шаг — и все кончено. Никакой боли, вины, пустоты. Просто тишина.

«Но если я сама умру, наказав себя за свой поступок, — подумала она, — то не исправлю того, что сделала. Я только добавлю к одной смерти еще одну. Моя мать потеряет дочь, бабушка переживет правнучку. Кейташи скажет: “Ну, так и знал, она свихнулась”. И я так и останусь в памяти людей как та, кто не справилась, сломалась и выбрала путь избегания».

Она вспомнила слова бабушки: «Ты — чудо. Твоя жизнь — это дар». Она вспомнила прадедушку Акиру, который выжил в Хиросиме, потерял все, но все равно жил, любил и создал семью. Она вспомнила свою мать, которая одна воспитывала ее, работала на трех работах, но никогда не жаловалась.

«Они не сдались, — поняла Химари. — Они прошли через ад, но не сломались. А я? Я тоже не сломаюсь. Не позволю этой смерти уничтожить меня, а своей ошибке стать приговором».

Она отошла от перил. Сделала глубокий вдох. Посмотрела на небо, которое уже начинало темнеть, и прошептала:

— Я пойду другим путем, не выберу смерть. Я выберу жизнь и не забуду тебя, мой малыш. Ты всегда будешь в мо-

ем сердце. Но я не позволю твоей смерти убить меня. Я буду жить. И сделаю так, чтобы моя жизнь имела смысл. Чтобы я могла гордиться собой и ты мог бы гордиться мной, если бы родился.

Она пошла домой. Твердым шагом, медленно и ровно. Каждый шаг был маленькой победой и выбором — жить, несмотря на боль. Она шла через город, через толпу, и ей казалось, что она идет из одного мира в другой. Из мира отчаяния — в мир надежды.

Когда Химари подошла к своему дому и увидела свет в окне — мать ждала ее с ужином, — она почувствовала, как внутри зажглась маленькая, хрупкая искра. Не легкость, не радость. Просто надежда. И, возможно, это было начало.

Она поднялась по лестнице, открыла дверь, улыбнулась матери и сказала:

— Я голодна. Что у нас на ужин?

6. Закон всемирного притяжения

Автобус тряхнуло на выбоине, и Нигора, прижавшись лбом к заиндеветшему стеклу, уставилась в серую мглу за окном. Тундра, редкие столбы, сопки. Снег, снег, снег.

Она ехала из аэропорта в новый город и вспоминала, как все началось.

Это случилось на последнем курсе. Нигора уже тогда твердо решила: обратно в Фергану она не вернется. Там — отец с его «Я нашел тебе жениха», брат, который в любом споре бил кулаком по столу, и запах лепешек, который когда-то был родным, а теперь душил, как петля.

Она перебрала в голове варианты: Ташкент — слишком близко, да и во всем постсоветском Узбекистане достанут. Москва — слишком страшно. Казань, Новосибирск, Екатеринбург — просто чужие названия без всякой зацепки.

Требовался человек, который знает все про разные города. И такой человек был.

Абдулла Каримович, старый профессор педагогики, сухой, с желтыми пальцами, когда-то объездил половину СССР с лекциями, проверками и дружескими визитами. У него везде были знакомые: в школах, в вузах, в отделах образования. «Если кто и подскажет, куда можно уехать с дипломом физика, то только он», — подумала Нигора.

Она подошла к нему после лекции, когда он уже собирал

портфель.

— Абдулла Каримович, можно спросить? Вы много людей знаете по разным городам... Я хочу уехать. Подальше. Чтобы семья не достала. Посоветуйте что-нибудь.

Профессор поднял глаза, усмехнулся в усы. Он понял все без пояснений — таких девушек он видел не в первый раз. И, как старший, считал своим долгом «вразумить».

— Куда подальше, говоришь? — переспросил он, делая вид, что задумался. — Ну, есть одно место. Норильск. Там всегда нужны учителя. Платят достойно. Жилье дают. — Он намеренно сделал паузу. — Но холод — минус сорок. Ветер с ног сшибает. Полярная ночь — полгода темноты. Туда даже мужики не всегда ехать соглашаются. — Он хмыкнул. — Но можешь попробовать. Вот телефон отдела образования.

Он нацарапал номер на клочке бумаги и протянул с такой усмешкой, будто говорил: «Держи, все равно не позвонишь. Испугаешься и останешься в Ташкенте, выйдешь замуж, как отец велел, и не будешь себе голову ерундой забивать».

Профессор был уверен, что отвадит. Назвал самый дикий вариант, чтобы девчонка поняла: лучше дома под крылом, чем на краю земли в лютый мороз.

Нигора взяла бумажку. Поблагодарила. Ушла.

А на следующий день заказала междугородную. Долго, с помехами, с тремя переключениями. На том конце ответили:

— Отдел образования Норильска. Слушаю.

— Мне нужна работа. Учителем физики. Я из Ферганы.

Красный диплом. Могу приехать.

Пауза. Спокойный женский голос:

— Вызов вышлем. Общежитие дадим. Ждите.

Через месяц пришло приглашение. Сборы заняли один день.

Мать плакала молча, укладывая в сумку теплый платок — единственное, чем могла помочь.

— Позвони, как доедешь, — только и сказала она.

Брат Шавкат, узнав, прорычал:

— Если уедешь — не возвращайся. Позоришь семью.

— Хорошо, — спокойно ответила Нигора. — Не вернусь.

Она боялась. Конечно, боялась. Но упрямство оказалось сильнее страха. И злая ирония профессора, предложившего самый суровый вариант в надежде напугать, только подстегнула. «Значит, туда и поеду», — решила она.

...Автобус снова тряхнуло. За окном уже виднелись пятиэтажки — серые, облепленные снегом, с желтыми квадратами окон. Норильск.

Когда Нигора заселилась в общежитие, комендантша баба Зина — краснолицая, грубоватая, но почему-то добрая — поставила перед ней кружку горячего чая и спросила:

— Ты чего, милая, на север-то поперлась? От любви бежишь? Или к любви?

Нигора подумала. В Узбекистане женщина могла уехать далеко по двум причинам: за мужем или от позора. Третьего не дано.

— От закона, — сказала она. — И к другому закону.

Баба Зина ничего не поняла, но кивнула.

Норильск встретил Нигору черной пургой. Снег летел не сверху вниз, а горизонтально, сбоку, по диагонали. Спустившись с трапа самолета, она впервые в жизни поняла, что такое минус сорок. Воздух резал легкие, как осколки стекла. Но она не заплакала. Решила: так пахнет свобода.

Она подняла воротник пальто — слишком тонкого, купленного в Фергане, где зима — это плюс десять, — и пошла к новой жизни.

В школе ее ждали. Директор Иван Петрович, лысый мужчина с усталыми глазами, посмотрел в диплом, потом на нее.

— Учитель физики? Восьмой класс? — переспросил он, будто не веря. — Ну что ж, завтра на урок. Тему дадим. А пока — вот ключи от общежития, комната 327. Соседка — Надежда из Читы, работает в химической лаборатории. Не подведет.

Нигора взяла ключи. Тяжелые, железные, холодные — как вся ее новая жизнь.

В комнате она вынула из сумки четки, подаренные бабушкой, положила на подоконник. Рядом пристроила потрепанный учебник физики. И впервые за много дней попросила у Аллаха защиты.

За окном выл ветер. Снег залеплял стекла, и сквозь эту мутную пелену пробивался тусклый свет одинокого фонаря. Нигора смотрела на него и думала: «Где-то там, за тучами,

есть Полярная звезда. Она всегда на месте. Как закон всемирного тяготения. Как мое право распоряжаться собой».

Она не знала, выдержит ли. Не знала, что будет через месяц, год. Но одно знала точно: обратного пути нет. И никогда больше ее судьбу не решат без нее самой.

Она легла на жесткий матрас, пахнувший казенной стиркой, и уснула спокойно — впервые с того самого дня, когда отец сказал: «Я нашел тебе жениха».

7. Восточная сфера.

Как мир стал таким

Химари не знала всей этой истории. Она жила в новой Японии — той, которая образовалась после Второй гражданской войны в США, после того как американские военные базы исчезли с ее островов, а Китай стал абсолютным гегемоном в Азиатско-Тихоокеанском регионе. Она не задумывалась о том, как все устроено, просто жила. Как и большинство ее сверстников.

Но мир вокруг нее был устроен сложнее, чем казалось.

Все началось в эпоху Мэйдзи, в конце XIX века. Япония, только что вышедшая из столетий изоляции, стремительно модернизировалась. Правительство понимало: чтобы не стать колонией западных держав, нужно догнать их в промышленном развитии. Но денег в казне не хватало. Тогда был найден выход: целые отрасли экономики — железные дороги, машиностроение, кораблестроение, производство оружия — передавались определенным кланам. Дзайбацу. Им давали государственную поддержку, но требовали результата.

Дзайбацу были семейными конгломератами с пирамидальной структурой. На вершине — холдинговая компания, принадлежащая одной семье. Внизу — десятки дочерних и

внучатых фирм, работающих в самых разных сферах: банки, страховые компании, производство, торговля. Все это было связано прочными узами, и государство активно поддерживало такую систему, потому что она позволяла быстро индустриализировать страну. Крупнейшие дзайбацу — Мицуи, Мицубиси, Сумитомо, Ясуда — к середине XX века производили почти четверть всей промышленной продукции Японии.

После Второй мировой войны американская оккупационная администрация распустила дзайбацу, считая их основой милитаризма. Но уже в начале 1950-х годов конгломераты возродились в новой форме — кэйрэцу. Это были те же гигантские корпорации, но теперь они строились на перекрестном владении акциями, а не на семейной иерархии. В центре каждой группы стоял мощный банк, который финансировал все предприятия и не давал конкурентам поглотить их.

Пожизненный найм, работа с субподрядчиками «точно в срок», атмосфера сотрудничества и доверия — все это стало визитной карточкой японской экономической модели. Кэйрэцу фактически правили страной. Они контролировали банки, производство, торговлю, медицину. Их влияние было везде. Но делали они это под присмотром США. Япония была непотопляемым авианосцем капитализма на восточном фланге — против СССР и Китая. Американцы давали японским корпорациям свободу, потому что это было выгодно.

Все изменилось после Второй гражданской войны в США.

Штаты раскололись. Американские военные базы по всему миру были ликвидированы, включая те, что стояли на японских островах. Япония стала фактически независимой — но независимость оказалась ловушкой.

Без американского патрона страна осталась один на один с Китаем, который к тому времени стал абсолютным гегемоном в регионе. Его экономика была в разы больше японской, ресурсы — несопоставимы. Экономический вес уже давно сместился с берегов Атлантики в Юго-Восточную Азию. Япония, у которой не было собственных природных ресурсов, зависела от импорта — и главным поставщиком стал Китай. Этот рынок был для японских товаров ключевым. Разорвать такие связи стало бы экономическим самоубийством.

Япония попыталась найти союзников, но не смогла. Азиатско-Тихоокеанский регион был определен как «Восточная сфера» — зона влияния Китая, в дела которой страны из других регионов не могли вмешиваться. Все соседи Японии уже находились в сильнейшей экономической и политической зависимости от Поднебесной. Выбора не было: Япония принесла вассальную клятву новому господину.

Это была неновая ситуация. На протяжении столетий Китай оставался центром этого региона. Все окружающие страны признавали верховную власть китайского императора — пусть и номинальную из-за удаленности и несовершенства средств связи. Культурное и экономическое давление было превалирующим. Теперь просто технологии позволили сде-

лать этот контроль реальным.

Америка давала японцам мнимую свободу. Китай — мягкий контроль.

Китайцы начали с экономики. Японские корпорации — те самые кэйрэцу, которые когда-то правили страной, — подверглись частичному поглощению крупнейшими компаниями огромного соседа. Частными и государственными. Сопротивляться было бесполезно — экономическая мощь Китая была подавляющей. К тому же он оставался ключевым рынком для японских товаров, а собственных ресурсов у Японии не было. Закрыться от внешнего мира и замкнуться на своем внутреннем рынке стало бы равносильно самоубийству.

Потом пришли люди. Мигранты из Китая, Филиппин, Вьетнама, Индонезии, других стран Восточной сферы. Масштабированный десант, как называли это японские публицисты. Причиной стал демографический кризис в самой Японии — стареющее население, мало детей, нехватка рабочих рук. Япония официально никогда не признавала себя страной иммиграции, но де-факто стала таковой. Мигранты приезжали на острова, потому что здесь был выше уровень жизни и больше возможностей. И японцы не могли им отказать — законодательство Восточной сферы этого не позволяло.

На протяжении всей своей истории Япония была мононациональным государством. Идеология расового единообразия доминировала в дискурсе о национальной идентичности.

И вдруг — миллионы мигрантов. Они меняли облик городов, рождали детей, голосовали на выборах. Политические партии уже не могли не учитывать их интересы. Японская идентичность, веками формировавшаяся в изоляции, начала размываться.

— Мы теряем себя, — говорили старики на улицах. — Становимся чужими в собственной стране.

Но никто не слушал стариков. Мир изменился. Япония тоже.

Химари, двадцатиоднолетняя студентка стоматологического факультета, даже не задумывалась об этом. Она родилась уже в этом мире. Для нее он был таким, какой есть. Она не знала, что когда-то японцы были хозяевами своей страны. Что когда-то они решали свою судьбу сами.

Она просто жила. Ходила на лекции. Сдавала экзамены. Влюблялась. Делала ошибки. И не знала, что за всеми ее проблемами стояла сила, которая больше нее — сила истории, империй, денег, миграций и культурных сдвигов. Она была песчинкой в этом потоке.

Но даже песчинка может что-то изменить. Или хотя бы стать частичкой чего-то большего. И, возможно, найти свой путь.

8. Танцы на вечной мерзлоте

Первый месяц в Норильске тянулся как резина: медленно, с противным скрипом привыкания. Нигора научилась дышать морозным воздухом — маленькими глотками, не раскрывая рта широко, чтобы не обжечь легкие. Научилась ходить по гололеду, не глядя под ноги, а чуть скользя, как лыжник. Научилась не удивляться тому, что в десять утра темно, а в два часа дня уже снова ночь.

Школа оказалась обычной — серое четырехэтажное здание, облепленное снегом по самые окна второго этажа, первый был неиспользуемым. Внутри пахло хлоркой, капустой из столовой. Восьмой класс, который ей дали, состоял из двадцати парней и семнадцати девчонок — все с неуправляемыми глазами, вечно красными от холода щеками и таким запасом озорства, какого у ферганских школьников не было и в помине. Норильск — молодой город, туда приезжали со всего СССР молодые люди для работы на ударных стройках социализма. Стариков там не было, а следовательно, не было бабушек и дедушек, которые могли бы присмотреть за внуками. Родители все время проводили на работе, и дети оставались предоставленными самим себе.

— Вы узбечка? — спросил первый же ученик, лохматый Вовка Королев, с интересом разглядывая ее темные волосы и миндалевидные глаза. — А физику знаете?

— Давай проверим, — спокойно сказала Нигора и вызвала его к доске решать задачу на равноускоренное движение. Вовка задачу не решил, покраснел и больше вопросов про национальность не задавал.

К концу первой четверти ее уважали. Не любили — пока не за что, но уважали точно. Потому что она не орала, не ставила двоек за молчание, а терпеливо объясняла, пока у самого упрямого двоечника в голове не загоралась лампочка. Потому что в ее глазах была та тихая, нестигаемая твердость, которую дети чувствуют лучше взрослых.

Коллеги приняли ее настороженно, но без злобы. Завуч, Людмила Павловна, тетка лет пятидесяти с прической «химия» и вечно недовольным лицом, в первый же день поинтересовалась: «А вы, простите, замужем? И как муж отпустил?» Нигора ответила коротко: «Не замужем. И отпустила себя сама». Людмила Павловна хмыкнула, но копать не стала — северных учителей не хватало, любой дипломированный специалист был на вес золота.

Одним вечером, в середине ноября, когда за окном завывала пурга, а батареи грели так, что форточки приходилось держать открытыми, к Нигоре в комнату постучалась соседка Надежда.

— Нигор, — сказала она, затягиваясь сигаретой (северная привычка, от которой Нигора морщилась). — В пятницу в ДК «Юбилейный» дискотека. Танцы. Пойдем?

— Я не умею, — честно ответила Нигора. Она немного

умела танцевать национальные узбекские танцы, и то ей это никогда не нравилось.

— Научишься, — отрезала Надежда. — Тебе двадцать три года, а ты как монашка сидишь. Физику учишь всю жизнь? Пойдем, хоть на людей посмотришь.

И Нигора согласилась. Сама не зная почему. Может, потому что за окном была полярная ночь, и в сердце поселилась тоска — не по дому, нет, по чему-то такому, чему она еще не умела давать имя.

В пятницу она надела свое лучшее платье — темно-вишневое, с длинным рукавом и скромным вырезом, купленное на последние деньги в универмаге. Надежда фыркнула: «В таком платье на танцы? Ты что, в филармонию собралась?» Но Нигора не умела иначе. Слишком много лет ей внушали: женщина должна выглядеть скромно, чтобы не давать повода.

В ДК «Юбилейный» было шумно и тесно. Лампы с цветными фильтрами отбрасывали на танцпол красные, синие, зеленые пятна. Из динамиков гремело что-то западное — то ли «Бони М», то ли «АББА», Нигора не разбиралась. Пахло дешевым одеколоном, потом, перегаром и счастьем — тем особым северным счастьем, когда после долгой тьмы и холода люди собираются вместе, чтобы просто побыть живыми.

Надежда сразу куда-то утащила своего знакомого техника с рудника, оставив Нигору у колонки. Она стояла, прижимая к груди сумочку, и чувствовала себя лишней. Вокруг танце-

вали парами, девчонки в обтягивающих джинсах и кофтах с блестками, парни в пиджаках. Никто особо не обратил на нее внимания — посмотрели, оценили и забыли — темная девушка в чопорном платье, как ворона среди голубей.

— Можно пригласить? — услышала она вдруг голос.

И обернулась. Рядом стоял парень — высокий, шире ее в плечах раза в полтора, с рыжеватыми кудрями и серо-зелеными глазами с веселой искрой. Он улыбался, и от этого на щеках появлялись ямочки, которые делали его лицо и мужественным, и почти детским одновременно.

— Я не умею, — сказала Нигора, чувствуя, как щеки заливает жаром. Хорошо, что в цветных огнях этого не видно.

— Ничего. — Он взял ее за руку — осторожно, будто боялся сломать. — Я тоже не умею. Постоим вместе, сделаем вид.

Они стояли посреди танцпола под какой-то медляк, и Нигора чувствовала его ладонь на своей талии — легкую, почти невесомую. Вторую руку она положила ему на плечо — такое твердое, что казалось, там, под курткой, не мышцы, а сварочные швы.

— Саша, — представился он. — Александр. Из Рязани.

— Нигора, — ответила она тихо. — Из Узбекистана.

— Ого. — Он чуть отстранился, чтобы лучше рассмотреть ее лицо. — Узбекистан... Там же жара? А ты на север. Зачем?

Она хотела сказать что-то умное: про патриархат, про свободу, про то, что женщина не обязана. Но вместо этого вы-

рвалось простое, как вздох:

— Сбежала.

Саша не стал переспрашивать. Он вообще, как выяснилось позже, умел молчать в самые нужные моменты. Просто чуть крепче сжал ее ладонь и сказал:

— Я тоже, считай, бежал. В Рязани — сварка на заводе, беспредел на улицах. Я тоже от чего-то сбежал. От тишины, наверное. От скуки.

Они протанцевали (или простояли?) весь вечер. Саша рассказывал про Норильск, в котором стал своим, про рудник, где варил трубы, про то, как в минус пятьдесят металл становится хрупким как стекло. Нигора слушала и думала о том, как странно устроен мир: чтобы встретить человека, от которого не хочется сбежать подальше, нужно сначала убежать за тысячи километров.

Когда в конце вечера Надежда нашла ее — раскрасневшуюся, смеющуюся, — Саша уже ушел. Оставил только номер телефона своего общежития, написанный дрожащей рукой на клочке бумаги от сигаретной пачки.

— Это кто? — спросила Надежда, подмигивая.

— Сварщик, — ответила Нигора, и в ее голосе впервые прозвучало что-то такое, от чего Надежда присвистнула.

— Ох, Нигорка, — сказала она. — Осторожнее. Северные романы — они крепкие.

Нигора спрятала бумажку в карман платья — туда, где сердце. И всю дорогу до общежития шла и улыбалась. По-

лярная ночь вокруг была черной-черной, но ей казалось, что где-то там, за тучами, снова зажглась звезда.

На следующий день она позвонила. Саша ответил после первого гудка — будто ждал.

— Пойдем завтра в кафе «Северное сияние», — сказал он. — Там вкусно!

— У меня уроки до двух часов дня, — ответила Нигора.

— У меня смена до шести, — сказал Саша. — Значит, в семь. Я зайду за тобой.

Она положила трубку и долго смотрела на телефон, висящий в коридоре общежития. Рядом прошла вахтерша тетя Галя, заметила ее лицо и спросила:

— Чего, девонька, влюбилась?

— Нет, — ответила Нигора, и это была первая ее ложь на севере. — Это просто... физика. Притяжение.

Она еще не знала, что Саша станет ее самым большим и самым сладким нарушением всех известных ей законов. Законов отца, традиций, собственного страха.

Но это будет потом. А пока она шла по коридору, неся в кармане клочок бумаги с номером, и чувствовала, как внутри у нее — впервые в жизни — тает что-то очень холодное и давно замерзшее.

9. Инкубатор

Когда Химари еще училась в школе, в подземном бункере, скрытом под одним из токийских небоскребов, собрались двенадцать человек. Никаких телефонов, никаких записывающих устройств или свидетелей. Только те, кто реально управлял Японией — представители крупнейших кэйрэцу. Старики с цепкими глазами и в дорогих костюмах. Они сидели за длинным столом из черного дерева, и на каждом лице читалась одна и та же мысль: мы теряем страну. Мы теряем себя.

Председатель собрания — глава самого могущественного клана — открыл заседание. Он был седым, сухим, с морщинистым лицом, но глаза его смотрели остро и холодно. Он обвел взглядом присутствующих, убедился, что все на местах, и заговорил:

— Дорогие коллеги, вы все знаете, зачем мы здесь собрались. Мы слабеем с каждым годом, и если ничего не предпринять, то мы и наши идеалы исчезнут. Уже сейчас у нас, несмотря на множество государственных программ, направленных на улучшение демографической ситуации, желаемых результатов нет. Рождаемость продолжает падать. Молодежь не хочет детей. Они хотят карьеру, путешествия, свободу. А мы стареем.

Глава второго клана — грузный мужчина с тяжелым под-

бородком — согласно кивнул:

— Я с вами полностью согласен. Мы стареем. Страна стала самой старой в мире — средний возраст населения уже перевалил за шестьдесят пять лет. В результате развития нашей медицины и биоинженерии мы увеличили среднюю продолжительность жизни до ста двух лет. Наши граждане даже в преклонном возрасте могут оставаться достаточно активными и полноценными членами общества. Но новая молодая кровь не восполняет старую. С этим нужно что-то срочно делать, иначе скоро будет некому ухаживать за стариками. Не говоря уже о том, что наша экономика требует постоянного притока рабочих рук. — Он вздохнул, покачал головой. — Я смотрю на своих внуков, и у меня сердце кровью обливается. Они не хотят ни детей, ни семьи, ни преданности клану. Они хотят только одного — чтобы им платили за то, что они делают, и чтобы никто не трогал их личное пространство. Это не японцы, господа. Это просто люди, которые живут в Японии.

Третий глава — молодой мужчина с очками без оправы — хмыкнул:

— Мне кажется, вы драматизируете. У нас же робототехника одна из самых развитых в мире. Наделаем роботов, и они нам помогут. Они будут ухаживать за стариками, работать на заводах, водить машины. Зачем нам люди, если есть машины? Посмотрите на наши заводы — там уже почти нет людей. Все автоматизировано. Мы можем заменить челове-

ческий труд полностью.

Второй глава посмотрел на него с легким презрением:

— А кто будет этих роботов обслуживать? А что, если произойдет какой-нибудь сбой? Роботы не умеют принимать решения в нестандартных ситуациях, у них нет интуиции, нет сердца. Мы можем автоматизировать многое, но не все. И потом, наши кэйрэцу всегда строились на человеческих отношениях — на пожизненном найме, преданности, на чувстве семьи. Робот никогда не будет предан компании так, как человек. — Он повысил голос. — Ты предлагаешь мне доверить стратегические решения машине? Нет, спасибо. Я хочу иметь дело с живыми людьми, которые понимают, что такое честь, долг и верность.

— Но честь и верность уже не работают, — возразил третий. — Молодежь уходит из кэйрэцу. Они не хотят быть частью большой семьи. Предпочитают свободу. Мы не можем заставить их любить нас, можем только предложить им условия лучше, чем у конкурентов. А конкуренты — это мы сами, господа. Мы друг у друга переманиваем кадры, и это превратилось в бесконечную войну за таланты.

Четвертый глава — худощавый, с лицом аскета — вмешался:

— Есть не только роботы. Ряд наших заводов и торговых центров активно вербуют персонал со всей Восточной Азии и даже за ее пределами. В Африке пока еще сохраняется избыток рождаемости, и они с удовольствием переедут к нам.

Мы можем привлечь миллионы мигрантов. Это решит проблему с рабочей силой. Я лично уже провел переговоры с несколькими африканскими правительствами. Они готовы отправлять к нам своих граждан. Проблема не в том, что нет людей. Проблема в том, что мы сами не хотим их брать.

Пятый глава, старый, с пронзительным взглядом, резко перебил:

— А вы не боитесь, что эти мигранты изменят нашу страну? Что мы перестанем быть Японией? У нас уже есть китайские кварталы, корейские, филиппинские. Они не ассимилируются. Они создают свои общины, школы, блюдут традиции. Они привозят сюда свои обычаи, религию и кухню. И скоро, очень скоро их станет так много, что мы будем в меньшинстве в собственной стране.

Первый глава поднял руку:

— Коллеги, давайте по порядку. Мы собрались здесь, чтобы решить проблему, а не спорить. Я предлагаю выслушать все точки зрения, а потом принять решение. Позвольте мне продолжить?

Он обвел взглядом присутствующих, ожидая возражений. Их не было.

— Спасибо. — Он помолчал. — Я хочу, чтобы мы все осознали масштаб катастрофы. Наша страна стремительно теряет свое население. Мы стареем. Наши женщины не хотят рожать. Мужчины не хотят брать на себя ответственность. Мы живем в обществе, где дети стали обузой, а не благослове-

нием. — Он вздохнул. — И что мы получим через двадцать лет? Страну, населенную стариками, которых некому обслуживать. Экономику, которая рухнет из-за нехватки рабочих рук. И культуру, которая растворится в потоке мигрантов.

— Я бы сказал, что мы уже на пороге этого, — мрачно заметил второй глава. — Посмотрите на наши школы. Половина учеников — дети мигрантов. Они с трудом говорят по-японски и мыслят по-другому. У них другие ценности, другие приоритеты. Они не чувствуют себя японцами. И никогда не будут чувствовать.

— А если мы будем навязывать им нашу культуру? — спросил третий глава. — У нас есть школы, программы интеграции, центры адаптации.

— Это не работает, — отрезал пятый глава. — Вы не можете заставить человека любить страну, в которой он чувствует себя чужим. Это идет изнутри. Из семьи. Из воспитания с самого детства. Если ребенок не вырос в японской семье, он никогда не станет настоящим японцем. Он может выучить язык, принять обычаи, даже получить гражданство. Но в глубине души останется другим. И когда наступит кризис — а он наступит, — он выберет не нас, а своих.

— Значит, вы предлагаете закрыть границы? — иронично спросил четвертый глава. — Прекратить приток мигрантов? Тогда наша экономика умрет еще быстрее. У нас нет ресурсов, нет молодежи, нет никого, кроме этих мигрантов. Выбирая между умирающей экономикой и умирающей культурой,

я выбираю экономику. Она хотя бы дает нам шанс выжить.

— Какая культура, если нет экономики? — подхватил третий. — Мы не можем себе позволить быть идеалистами. Мы должны смотреть фактам в лицо. Мир изменился. Япония больше не является островом, изолированным от остального мира. Мы часть глобальной экономики и должны играть по ее правилам, если хотим выжить.

— Но если мы перестанем быть японцами, то ради чего выживать? — тихо спросил пятый глава. — Ради денег, технологий, власти? Я помню свою молодость. Когда мы были единым народом. Когда мы все чувствовали друг друга и строили эту страну вместе. И теперь вы предлагаете мне отказаться от этого ради того, чтобы просто существовать?

В комнате повисла напряженная тишина. Каждый из двенадцати осознавал, что речь идет не просто о бизнесе — о выживании. О том, что через поколение Японии может не стать в том виде, в котором они ее знали.

Первый глава нарушил молчание:

— Господа, я понимаю ваши эмоции. Но давайте не будем забывать, зачем мы здесь. Мы не можем изменить мир так, как нам хочется. Мы можем только приспособливаться. Или исчезнуть. — Он сделал паузу. — У меня есть предложение. Возможно, оно покажется вам фантастичным или даже полным бредом. Но, по мнению экспертов, подготовивших этот план, он нам подойдет.

— Я весь внимание, — сказал второй глава.

— Позвольте профессору Сато все вам объяснить на понятном языке.

В этот момент одна из стен превратилась в огромный экран. Взглядам присутствующих предстал человек в белом халате. Они могли хорошо его разглядеть, но он не видел и не слышал их голосов — конспирация должна соблюдаться. Профессор Сато говорил заранее записанное сообщение, его образ был увеличен так, чтобы заполнить весь экран. Старик в белом халате с умными, добрыми глазами, который в обычной жизни был скромным профессором, здесь, в этом бункере, становился орудием спасения нации.

Профессор Сато начал:

— Господа, давайте посмотрим на проблему с научной точки зрения. На данный момент наши биоинженерные технологии позволяют существенно продлить жизнь человеку, замедляя биологические процессы. Это уже работает. Кроме того, мы научились делать и обратное: убыстрять физиологические процессы. Прежде всего это применяется в спорте, где атлеты выходят на пик формы в достаточно юном возрасте. Но мы можем использовать эти технологии и для других целей.

Он переключил изображение. На экране появились схемы инкубаторов, похожие на те, что используются для недоношенных детей, но гораздо более сложные.

— Благодаря развитию инкубаторов для недоношенных и совершенствованию этой технологии нам удалось создать

искусственную матку, где с любого срока возможно вынашивание ребенка. Конечно, это не дешевое удовольствие, но вполне разумное при налаживании промышленного производства. — Он сделал паузу. — Иными словами, мы получили возможность выращивать детей от зачатия до взрослого человека, который может выполнять все функции дееспособного индивида, примерно за двенадцать-тринадцать лет.

В комнате послышался сдержанный гул. Участники переголаживались. Профессор Сато продолжал:

— Это означает, что мы отделили мать от ребенка. Теперь, если женщина не хочет рожать, она может этого не делать. Ребенок при этом будет жить. Права матери теперь могут быть отделены от прав ребенка. Если женщина не хочет рожать и желает сделать аборт — сейчас, с точки зрения морали и закона, ей это позволено. Но в будущем мать уже не будет обладать абсолютным правом на жизнь ребенка, потому что не только она может его выносить.

Он говорил ровно, как на лекции, но слова его были как холодная сталь.

— Мы считаем аборт одним выбором — решением избавиться от плода. Но на самом деле их два: решение не вынашивать младенца и решение прервать его жизнь. Возможность искусственного вынашивания впервые разведет и подчеркнет их. Если тело женщины больше не будет инкубатором, аборт перестанет отвечать требованиям защиты как свободы, так и жизни. Государство должно позволить жен-

щинам выбирать, что будет с их телами, в то же время запрещающая прерывать жизнь плода.

Экран погас. В комнате воцарилась мертвая тишина. Профессор Сато исчез, оставив после себя только слова, которые повисли в воздухе, как приговор.

— Благодарю вас, профессор, — сказал первый глава, нарушая молчание. — Пока будьте на месте. Вы можете еще нам понадобиться.

Он медленно обвел взглядом присутствующих.

— Итак, господа. Нам нужно вложиться деньгами в этот механизм. А кроме того — пролоббировать изменения в законодательстве, которые позволят полностью реализовать данную технологию. А именно — если женщина забеременеет и не захочет рожать, она получит право отдать ребенка государству и не вынашивать его, при этом все расходы на себя возьмем мы. Основано это будет на праве ребенка на жизнь и утверждении постулата, что уже с проникновения сперматозоида в яйцеклетку появляется человек.

Второй глава нахмурился:

— Но это вызовет огромное сопротивление. Феминистки, либералы, правозащитники — они все поднимут шум. Мы потеряем лицо на международной арене. Нас назовут диктаторами, нарушителями прав человека. Вы готовы к такому?

— Мы готовимся к этому уже несколько лет, — спокойно ответил первый глава. — У нас есть медийные ресурсы, связи в парламенте и общественные организации, которые

поддержат эту инициативу. Мы представим это как защиту жизни, моральный долг, как возвращение к традиционным ценностям. В конце концов, кто может быть против спасения детей?

— А если они скажут, что это не дети, а зародыши? — вмешался третий глава. — У нас будет битва определений. Они будут утверждать, что плод — это часть тела женщины. Мы будем утверждать, что это отдельный человек. И мы можем выиграть эту битву, потому что у нас есть деньги и власть. Но война будет долгой и дорогой.

— Я осознаю это, — кивнул первый глава. — Но другого пути нет. Если мы не сделаем это сейчас, через двадцать лет Японии не станет. Мы можем выбрать — потерять лицо или потерять страну. Я выбираю первое.

Шестой глава, все это время молчавший, подал голос:

— У меня есть вопрос. Какой от этого прок конкретно нашим организациям? Ведь результаты будут через большое количество времени. Кроме того, улучшатся средства контрацепции, и женщины все равно будут делать криминальные аборты. И вообще, женщине может быть проще убить собственного ребенка, убеждая себя, что это еще не человек, чем отдать его государству.

Первый глава усмехнулся:

— А резон будет в том, что благодаря этой программе мы сможем под шумок, так сказать, реализовать свои цели. Те детские дома, которые появятся с введением новой тех-

нологии, частично или полностью будут находиться при наших корпорациях как социальная нагрузка, наподобие детских садиков. Они будут полностью под нашим контролем. Дети будут обучаться тому, чему мы посчитаем нужным. После, благодаря правильному воспитанию, они станут настоящими японцами — верными членами кланов.

— И сколько таких детей мы сможем воспитать? — спросил третий глава. — Тысячу? Десять тысяч? Это капля в море.

— Благодаря технологиям профессора Сато мы сможем брать у доноров яйцеклетки и сперматозоиды и на их основании начать массовое выращивание детей, — спокойно ответил первый глава. — Поскольку процесс «абортирования без убийства ребенка» будет анонимно проводиться в клиниках, аффилированных с нами, мы сможем скрыть истинное число спасенных детей. В реальности мы будем выращивать детей десятками, а затем и сотнями тысяч, проводя их по документам в качестве отказников. А когда процесс уже будет налажен, пролоббировем и их искусственное выращивание.

Он помолчал.

— Кроме того, технология Сато поможет обычным женщинам не уходить в декрет на время беременности. И вообще, генная инженерия — это наше будущее. Мы должны быть впереди.

— А как быть с тем, что в процессе эмбрион может по-

гибнуть? — спросил пятый глава. — Сколько детей мы потеряем в этом эксперименте?

— Мы минимизируем риски, — ответил первый глава. — У нас есть лучшие ученые, технологии и инкубаторы. Мы не станем рисковать зря. Каждый эмбрион будет под наблюдением, каждый ребенок выращен в идеальных условиях. Мы не допустим потерь, потому что не имеем права на ошибку.

— А если общество узнает правду? — спросил второй глава. — Если кто-то из наших сотрудников расскажет о том, что мы выращиваем детей в инкубаторах, как скот?

— Мы позаботимся о том, чтобы они не захотели этого делать, — холодно сказал первый глава. — У нас есть способы обеспечить лояльность.

В комнате повисла напряженная тишина. Все понимали, что за этим стояло.

— Стоимость программы... — протянул пятый глава.

— Мы обсудим финансирование отдельно, — отрезал первый. — Но сначала прошу высказаться по существу.

Началась короткая полемика. Технические вопросы к профессору Сато — тот ответил на них заранее подготовленными фразами. Вопросы о юридических аспектах, о реакции общества, о возможном сопротивлении. Кто-то говорил о рисках, кто-то о возможностях. Но все понимали главное: если они не сделают этот шаг, страна умрет.

— Господа, — сказал первый глава, поднимаясь. — Мы должны проголосовать. Кто за реализацию программы?

Все двенадцать подняли руки.

— Решение принято единогласно, — сказал первый глава. — Мы начинаем реализацию программы. Пусть потомки судят нас. Но мы сделали выбор.

Они не знали, что через несколько десятилетий этот план изменит мир. Что дети, выращенные в инкубаторах и воспитанные в корпоративных детских домах, станут новой элитой — верной, дисциплинированной, лишенной сомнений. Они надеялись, что Япония будет спасена, цена их не волновала или почти не волновала.

10. Тепло, которого не отнять

Они поженились через полгода после той первой дискотеки. Без пышного торжества, без белого платья и сотни гостей — как того требовали обычаи. Расписались в загсе Норильска, в маленьком зале с нелепой лепниной в виде профиля Ленина. Свидетелем со стороны Саши выступил его напарник по смене, дядька Коля — молчаливый, прокуренный, с ладонями в шрамах от окалины. Со стороны Нигоры — Надежда, которая плакала громче всех, хотя и радовалась тоже, но и завидовала немного. Несмотря на обилие ухажеров, сама она пока за муж не вышла: за тех, кто звал, она сама не хотела, а те, за кого пошла бы, не делали ей предложения.

— Жалко мне тебя, — шепнула Надежда в ухо Нигоре, когда они выходили из загса. — Сварщик он и есть сварщик. Руки в мозолях, образование — семь классов. А ты педагог, физику знаешь. Не разбежитесь?

— Он варит металл так, что швы не трескаются даже в минус пятьдесят, — ответила Нигора, глядя на Сашу, который стоял на крыльце, смущенно теребя шапку. — Может, и наш шов выдержит.

Они купили не однокомнатную, а целую двухкомнатную квартиру, благо у Александра деньги были, да и на севере квартиры не очень дорого стоили. Нигора принесла свои книги, учебники, четки, которые подарила бабушка. Саша

— сварочный аппарат (который держал под кроватью — «на всякий случай, вдруг у соседа трубу прорвет») и гитару без двух струн.

— Научусь играть, — пообещал он. — Как-нибудь.

Он так и не научился хорошо играть, но парочку аккордов выучил и мог на застолье спеть несколько бардовских песен. Зато научился варить борщ — специально для Нигоры, потому что хотел ее порадовать. Саша сам ходил в гастроном, выбирал свеклу и капусту, а продавщицы хихикали ему вслед: «Смотрите, мужик с авоськой!» На это Александр всегда отшучивался.

Разница в образовании давала о себе знать. Иногда Нигора рассказывала про школьные опыты, про дифракционные решетки и квантовую механику, а Саша смотрел на нее с таким выражением, будто она говорила на китайском. А иногда Саша рассказывал про сварку — про то, как важно подобрать ток, чтобы электрод не примерзал, как определить на глаз температуру дуги, — и Нигора с удивлением понимала: это та же физика, только без формул. Его знание было живым, телесным, выстраданным на морозе, когда пальцы не слушаются, а шов должен быть идеальным.

— Ты физик, — сказал он однажды, услышав от нее лекцию о теплопроводности металлов. — А я физик наоборот. Я просто делаю, а ты понимаешь почему.

— Мы вместе понимаем, — поправила она.

Когда у Нигоры начались схватки с первым ребенком, она

позвонила матери в Фергану. Трубку взял брат Шавкат.

— Ты вышла замуж за русского? — спросил он ледяным тоном. — За сварщика?

— За человека, — ответила Нигора сквозь боль.

— Ты умерла для этой семьи, — сказал Шавкат и повесил трубку.

Мать так и не перезвонила. Нигора не плакала. Она давно уже оплакала ту жизнь, которую оставила. Теперь нужно было строить новую.

Сын родился в марте, когда за окном еще лютвала пурга, но день уже заметно прибавился. Назвали Михаилом — в честь деда Саши, рязанского плотника, который не дожил до правнука.

— Мишка, — прошептал Саша, держа на руках красный сморщенный комочек. — Сын.

— Михаил Александрович, — поправила Нигора слабым голосом. — Он у нас уважаемый человек.

— Ему три дня, — засмеялся Саша. Но с тех пор стал иногда называть сына по отчеству «Александрович», как взрослого.

Нигора кормила грудью и одновременно читала учебники — в школе дали декретный отпуск, но она боялась отстать от программ. Поэтому через полтора года вышла на полставки, а сына отдала в ясли. Саша ходил в ночную смену, варил трубы, а днем сидел с ребенком, пел ему рязанские частушки и менял пеленки. Соседки по дому сначала шушукались:

«Ишь, муж за бабу!» Но потом привыкли. Саша был вежлив со всеми, помогал донести что-нибудь тяжелое, занимался мелким ремонтом. Даже баба Клава, самая сварливая пенсионерка на улице, однажды выдавила: «Нормальный мужик. Не пьет. Жену любит. А что пеленки стирает — так и слава богу, не тебе же».

Через два года после Михаила родилась Марина. Девочка — вся в отца, рыжеватая, с зелеными глазами, но с материнским разрезом глаз и ее упрямством.

— Маришка, — сказал Саша, держа дочку. — Маленькая принцесса.

— Принцесса Норильска, — улыбнулась Нигора. — Из вечной мерзлоты.

Они жили в достатке, как почти все в Норильске. Наступили сытые двухтысячные, и жизнь с каждым годом становилась все зажиточнее. Северные надбавки были хорошие, цены, конечно, тоже высокие, но не настолько, чтобы сжирать оклады. Саша приносил домой пачки сгущенки и тушенки — «сварочный паек», выдаваемый на заводе. Каждый отпуск ездили к морю и в Рязань, навещали родителей Александра.

Михаил рос вдумчивым, как мать. В четыре года научился читать по слогам — Нигора занималась с ним сама. В пять лет он задал отцу вопрос:

— Пап, а почему земля круглая, а мы не падаем?

Саша посмотрел на Нигору, та кивнула. И Саша, взяв сына на руки, ответил:

— Потому что есть сила притяжения. Мама тебе объяснит лучше, она учитель. А я скажу так: нас держит земля. Как мой сварочный шов — трубу. Если шов хороший — ничего не упадет.

Марина росла другой — живой, непоседливой, с голосом, который слышали все соседи. Она пела, где бы ни была: в санях, в очереди за хлебом, даже в кабинете у врача. В три года заявила:

— Я вырасту — уеду в Африку. Там тепло.

— А мы? — спросил Саша.

— А вы приедете в гости, — важно ответила Марина. — Только, папа, ты шапку не забудь.

Когда ложились спать, Саша обнимал Нигору и шептал:

— Не жалеешь, что убежала сюда?

— Жалею, — отвечала Нигора. — Что не убежала раньше.

Она не говорила ему, как иногда болит внутри оттого, что мать так и не позвонила. Что брат вычеркнул ее из жизни, а с семьей она так и не примирилась.

Но когда смотрела на Сашу — на его вечно обветренные губы, мозолистые руки, на то, как он держит Марину, а та спит у него на плече, — все это становилось неважным. Потому что он не просто принял ее. Он принял ее полностью — со всеми «не как у всех». И никогда не спрашивал, правильно ли она поступает, надевая платок на молитву (она молилась редко, только когда тоска затягивала особенно сильно). Просто сидел рядом и молчал. Это молчание было дороже

любых слов.

Однажды к ним в гости приехал старый друг Саши из Рязани. Увидел Нигору, услышал, как она говорит по-русски абсолютно без акцента, как объясняет Михаилу теорему Пифагора, ставит на стол самсу и говорит «ассалому алейкум», друг сказал: «Повезло тебе, Санек, настоящую Шахерезаду отхватил».

Они прожили вместе семь лет, когда Нигоре позвонила мама. Сама, не брат.

— Дочка, — сказала мать тихо. — Шавкат уехал на заработки в Россию. Отца не стало. Я одна. Можно я приеду к вам?

Нигора зажала трубку ладонью и посмотрела на Сашу. Тот мыл посуду и что-то напевал.

— Саша, — сказала она. — Моя мама хочет приехать. Навсегда.

Он выключил воду, вытер руки о полотенце. Посмотрел на жену и сказал:

— В тесноте, да не в обиде. Приедет — поместимся. Твоя мама — моя мама. А мы, Нигора, семья. Наша семья. Ты, я, дети. И теперь она.

Она не заплакала при нем — не любила показывать слабость. Но ночью, когда Саша уснул, долго лежала с открытыми глазами и слушала, как за окном скребется ветер. Полярная ночь снова стояла над Норильском. Но внутри у Нигоры было светло — от того тепла, которое не могла отнять

никакая вечная мерзлота. Тепла, которое они сварили сами, шов за швом, год за годом. Саша — электродом. Она — терпением. И этот шов не треснул. И не треснет никогда.

11. Новый путь

Химари сидела в своей маленькой комнате и смотрела на телефон. Экран горел, но она не видела букв, смотрела сквозь них, в прошлое, в будущее, в себя. Прошло несколько недель после разговора с бабушкой. После той ночи, когда она стояла на мосту и смотрела в темную воду. После того как сказала себе: «Я пойду другим путем».

Теперь она знала каким.

Она снова взяла телефон, нашла контакт. Айко. Однo-группница, с которой они пересекались на лекциях, но никогда не были близки. Химари помнила, что Айко учится на гинеколога и участвует в какой-то программе по сохранению беременности. Тогда это казалось просто интересной специализацией. Теперь — судьбой.

Она нажала кнопку вызова.

— Айко? Привет. Это Химари. Да, из группы. Прости, что беспокою. Я хотела бы встретиться и поговорить. Это важно.
— Пауза. — Нет, не по учебе. Личное. Спасибо. Я приеду.

Они договорились встретиться в огромном офисном здании в центре Токио. Здание принадлежало одной из крупнейших корпораций — той самой, что контролировала половину медицинских клиник в стране. Химари не знала, почему Айко выбрала именно это место. Может, из-за удобства. Может, потому что здесь работала ее программа. А может,

потому что в этом здании решались судьбы.

Когда Химари вошла в вестибюль, она почувствовала себя маленькой. Огромный атриум, стекла до потолка, эскалаторы, которые уходили вверх, как будто в небо. Люди в деловых костюмах, с планшетами в руках и серьезными лицами. Они спешили по своим делам, и никто не обращал внимания на худую девушку с длинными волосами, которая стояла у фонтана и ждала.

— Химари!

Она обернулась. Айко шла к ней, улыбаясь. Она была старше на пару лет, но выглядела так же молодо — круглое лицо, короткая стрижка, очки с толстой оправой. Одета была просто, но со вкусом.

— Привет! — Айко обняла ее. — Пойдем, я покажу тебе тут все. А то заблудишься — это здание больше, чем кажется.

Они прошли через лабиринт коридоров и оказались на фудкорте. Огромное пространство, залитое светом. Десятки кафе, сотни столиков. Здесь можно было встретить кого угодно — от стажеров до членов совета директоров. Айко выбрала столик в углу, у окна. За ним открывался вид на Токио — серый, огромный, живущий своей жизнью.

— Рассказывай, — сказала Айко, когда они сели. — Ты сказала, это важно. Я слушаю.

Химари замаялась. Она не знала, с чего начать. Как рассказать о том, что она сделала? Как объяснить, что внутри нее

пустота, которую она хочет заполнить чужими жизнями?

— Я сделала аборт, — сказала она. Прямо, без предисловий. — Недавно. Это был... правильный выбор. По крайней мере рациональный. А теперь я хочу исправить это. Хочу помочь другим. Не дать им совершить ту же ошибку.

Айко не удивилась. Она смотрела на Химари с пониманием, без осуждения.

— Расскажи, что случилось, — сказала она.

И Химари рассказала. Все. Про беременность. Про Кей-таши. Про то, как он говорил о рациональности, о карьере, о том, что ребенок разрушит их планы. Про то, как она приняла таблетки. И про пустоту, которая осталась внутри. Про ночные кошмары. Про бабушку, которая рассказала о прадедушке Акире, о бомбе, о том, что жизнь — это чудо. Про мост, воду, решение жить.

Айко слушала молча. В ее глазах была грусть, но не жалость. Сочувствие, но не слабость.

— Я хочу помогать, — сказала Химари, когда закончила. — Хочу спасать жизни. Хочу, чтобы моя жизнь имела смысл. Чтобы я могла сказать себе, что исправила то, что сделала. Что я не просто убийца, а кто-то, кто... ну, кто может быть полезен.

Айко кивнула. Помолчала, глядя в окно. Потом повернулась к Химари.

— Я рада, что ты нашла цель в жизни, — сказала она. — Правда. Многие люди живут без цели. Они просто существу-

ют. А ты решила что-то изменить. Это дорогого стоит.

— У тебя есть какие-то идеи? — спросила Химари. — Ты же участвуешь в программе по сохранению беременности. Может, я тоже смогу помочь?

— Может быть. — Айко задумалась. — Очень хорошо, что ты врач. Это дает нам возможности. Для начала мы проверим твоё здоровье. Если всё хорошо, ты сможешь стать донором яйцеклеток. Это один из самых важных способов помочь. Многие женщины не могут иметь детей из-за проблем с репродуктивной системой. Твои яйцеклетки могут стать для них шансом.

Химари кивнула. Она думала об этом. О том, что в её теле есть то, что может дать жизнь кому-то другому.

— Кроме того, — продолжала Айко, — я думаю, ты могла бы быть агитатором, рассказывать о важности материнства, о донорстве, о том, что жизнь — это дар. Ты сама прошла через ад и можешь говорить с людьми на их языке. Ты будешь убедительна.

— Может, я могла бы стать суррогатной матерью, — сказала Химари. — Если здоровье позволит. Я могла бы выносить ребенка для тех, кому не позволяет здоровье. Это было бы...

— Время покажет, — мягко перебила Айко. — Не забегай вперед. Сначала надо пройти обследование. Понять, что ты можешь, чего не можешь. А потом уже принимать решения.

— Сколько мне осталось учиться? — спросила Химари.

— Год, — сказала Айко. — Совсем немного. Ты уже думала о том, где будешь работать?

— Пока нет. Думаю, в какой-нибудь клинике в Токио. Может, в государственной, может, в частной. Еще не решила.

— Возможно, я смогу тебя порекомендовать, — улыбнулась Айко. — Есть одна клиника — «Солнце». Это одна из лучших в городе. Они специализируются на репродуктивной медицине. Я знаю там людей. Если захочешь, могу поговорить с ними.

Химари почувствовала, как внутри теплеет. словно луч солнца пробился сквозь облака.

— Спасибо, — сказала она. — Спасибо тебе. Ты не представляешь, что это для меня значит.

— Представляю. — Айко сжала ее руку. — Теперь давай обсудим детали. Когда у тебя занятия во вторник?

— После обеда.

— Тогда приходи к девяти утра сюда же. — Айко взяла салфетку и написала адрес. — Я встречу тебя, и мы приступим к тестированию. Это не займет много времени. Просто анализы крови, консультация. Узнаем, готова ли ты.

— Я готова, — сказала Химари. И впервые за долгое время чувствовала, что говорит правду.

Они еще немного поболтали о мелочах. О погоде, о занятиях, о том, как трудно сейчас с экзаменами. Айко рассказывала о своей программе: о женщинах, которым они помогли, детях, которые родились благодаря их усилиям. Она говори-

ла с такой теплотой, что Химари почти видела этих детей — маленьких, смеющихся, живых.

Когда они прощались, Айко обняла ее.

— Ты делаешь правильный выбор, — сказала она. — Я верю в тебя.

Химари вышла из здания и посмотрела на небо. Оно было серым, как всегда в Токио. Но ей казалось, что оно светлее, чем обычно. Или это просто внутри нее стало светлее.

Она шла по улице и думала о том, что сделает. О донорстве, о том, что ее клетки могут стать чьей-то жизнью. Об агитации, о том, что она сможет говорить с людьми и убеждать их. О суррогатном материнстве, о том, чтобы выносить ребенка для кого-то, кто не может.

Она не знала, что ждет ее впереди. Но знала, что идет в правильном направлении.

И это было главным.

12. Когда снег тает

Жизнь в Норильске шла своим чередом, и с каждым годом в ней становилось все больше света. Не того, полярного, который возвращался в апреле и заставлял спать с задернутыми занавесками, а внутреннего — того, что Нигора носила в себе и все щедрее делила с окружающими.

Школа давно перестала быть просто местом работы. Нигора стала своей — учительницей, к которой бежали после уроков не только с вопросами по физике, но и с сердечными тайнами. Ее кабинет всегда был открыт, на подоконнике цвели герани (чудо, которое в Заполярье удавалось не каждому), а на стене висела карта звездного неба, подаренная выпускниками.

— Нигора Сабировна, — говорили ей коллеги с уважением, и она больше не вздрагивала от отчества. Она была учителем. И это звание перевешивало любые «откуда ты родом».

Михаил пошел в первый класс и сразу стал отличником. Учительница удивлялась: «Откуда у мальчика такие глубокие знания по природоведению?» А Нигора улыбалась: «Это папа объясняет». Марина в садике пела на всех утренниках, а на вопрос «кем ты хочешь быть» отвечала: «Артисткой, чтобы все смотрели и радовались».

Саша и его бригада перешли на более сложную работу — варили не трубы, а детали для котельных. Зарплата выросла,

и они заработали на трехкомнатную квартиру улучшенной планировки, с большой кухней, почти как зал. Нигора, когда впервые увидела такие хоромы, почувствовала себя буржуинкой и заулыбалась.

Квартиру обставляли всем миром. Нигора повесила поверх ковра свой диплом и вышитое вручную узбекское сюзانه — яркое солнце на темно-синем поле. Александр — гитару и картину с видом Рязани. В этой странной смеси Рязани и Ферганы, советского стандарта и восточной вязи, и заключался весь их дом.

— Красиво, — сказал Михаил, которому тогда исполнилось семь. — Как в музее.

— Это и есть наш музей, — ответил Саша. — Музей счастья.

Мать Нигоры — Азиза-опа — приехала в июне, когда в Норильске наступило долгожданное лето. Не то лето, к которому она привыкла в Фергане — с плюс сорок, урюком и чайханами. Здесь лето было зеленым, но коротким, как вздох: круглые сутки солнце, одуванчики по колено, комары и небо, похожее на размытую акварель.

Азиза-опа вышла из самолета, огляделась.

— Дочка, — сказала она. — Здесь снега нет, а я верила.

— Мама, — улыбнулась Нигора. — Это июнь. Снег будет в сентябре.

— Аллах милостив, — вздохнула Азиза-опа и полезла в сумку. — Я тебе привезла курпачу, лепешки, курагу и твой

любимый чай.

Первые дни мать присматривалась к Саше, как кошка, настороженно, недоверчиво. Он же для нее был чужим: русский, неверный, да еще и сварщик — в ее представлении рабочий, который дышит гарью и по субботам постоянно пьет водку. Но Саша, почувствовав это, сделал то, чего от него не ждали. Выучил три фразы на узбекском: «Ассалому алейкум», «Рахмат» и «Онам, мен сени яхши кўраман» — «Мама, я тебя люблю».

Произнес он их, конечно, так, что Азиза-опа чуть не поперхнулась чаем. Но она поняла главное: этот мужчина старается. Для нее.

— Он что, учил? — спросила она у Нигоры шепотом.

— Месяц, — соврала Нигора для пущей значимости. На самом деле Саша учил эти слова три минуты, но они заставляли язык делать непривычные кульбиты.

Азиза-опа поселилась в комнате вместе с Мариной. Каждое утро она вставала раньше всех, ставила тесто и пекла лепешки — так что запах разносился по всему подъезду. Соседи поначалу косились, а потом стали проситься «на чай с теми самыми лепешками».

— Ваша бабушка — волшебница, — говорили они Михаилу. А Михаил с достоинством отвечал: — Она наша узбекская скатерть-самобранка. И умеет готовить плов с нутом.

Самое трудное случилось через полгода после приезда Азизы-опа. Позвонил Шавкат.

Он звонил не ей — матери. Азиза-опа долго говорила о чем-то по-узбекски, быстро, с гневом, потом вдруг замолчала и протянула трубку Нигоре:

— Твой брат. Хочет говорить.

Нигора взяла трубку — рука дрожала. Саша стоял рядом, молча положив ладонь ей на плечо.

— Салам, — сказала она.

— Салам, — ответил Шавкат. Голос был хриплым, будто он болел или плакал. — Нигора... я был неправ.

Она молчала.

— Я думал, ты позоришь нашу семью, — продолжал он медленно. — А потом... я сам приехал в Россию. В Сургут. Тут тоже холод. И тут тоже русские. И я понял... никто на меня не смотрит, кто я — узбек, таджик, русский. Все работают. Все живут. И ты... ты просто хотела жить. Я был дураком. Прости меня, сестра. Я отцу не дал с тобой проститься. Я... — голос у него сорвался. — Я не знаю, как теперь смотреть тебе в глаза.

Нигора посмотрела на Сашу. Тот кивнул: делай как знаешь.

— Приезжай в гости, — сказала она. — Познакомишься с племянниками. Миша уже в школе, отличник. Марина поет. И Саша... он хороший. Ты увидишь.

Шавкат приехал через два месяца — на майские праздники. Привез подарки: Михаилу — настоящий компас, Марине — куклу в узбекском платье, Нигоре — тюбетейку, выши-

тую золотом, а Саше... бутылку хорошего коньяка и рукопожатие, от которого у Саши хрустнули костяшки.

— Крепкая рука, — сказал Шавкат, прищурившись. — Значит, не только сваркой, но и руками работаешь?

— И головой, — улыбнулся Саша. — Но головой у нас в семье больше Нигора работает. Я так, кумекаю потихоньку.

Шавкат засмеялся — впервые за много лет. И Нигора, глядя на них, почувствовала, как в груди разжимается что-то, что было сжато целую вечность. Не обида. Не боль. А просто тяжесть, которую она носила, сама не замечая.

Вечером они сидели все вместе на кухне: Азиза-опа с лепешками, Шавкат с чаем, Саша с гитарой (блеснул своими умениями), Михаил с компасом, показывающим на север, и Марина, которая уснула у матери на коленях.

— Нигора, — сказал Шавкат. — Я горжусь тобой.

— Спасибо, брат, — ответила она.

Азиза-опа вытерла глаза кончиком платка.

— Дети мои, — сказала она. — Я так боялась, что вы никогда не помиритесь. А вы помирились. Теперь я могу умереть спокойно.

— Онам! — в один голос воскликнули Нигора и Шавкат. — Не смей даже думать!

— Не буду, не буду, — замахала руками мать. — Я еще внуков понянчу. И правнуков дожусь.

Саша заиграл на гитаре что-то невообразимое — похожее и на рязанские страдания, и на узбекский маком, но такое

искреннее, что все замолчали. А потом Михаил сказал:

— Папа, давай я стихи расскажу.

И рассказал. Про Север, про звезды, про то, как «хорошо, когда вся семья вместе». Стихи были собственного сочинения, корявые, но от души.

Нигора сидела и смотрела на эту картину: мать, брат, муж, дети — в одной кухне, за одним столом. Люди, которые когда-то были разделены тысячами километров и еще большим количеством обид. И все они здесь. В Норильске. На краю земли.

Она вспомнила тот день, когда садилась в самолет, дрожа от страха и холода. Как боялась, что будет одна, и не верила, что может быть иначе. А оказалось — может. И даже больше: бегство от одной несвободы стало началом другой свободы — той, где можно выбирать, любить, прощать и быть прощенной.

— Саша, — сказала она тихо, когда все уже расходились спать.

— М?

— Спасибо.

Она поцеловала его в щеку и подумала: есть на свете вещи, которые крепче сварного шва. Крепче обычаев, расстояний. Это когда человек смотрит на тебя и видит не узбечку, не учительницу, не беглянку, а просто — тебя. И остается.

Полярная ночь давно кончилась. За окном было белое летнее солнце, которое не садится. Нигора закрыла глаза и

улыбнулась.

Она больше не бежала. Она пришла домой.

В школе все складывалось хорошо, у всех была надежда на лучшее. Нигора организовала факультатив по астрономии — благо в Заполярье небо было как на ладони, да и полярная ночь помогала. Дети впервые увидели звезды не на картинке, а в телескоп, который она выпросила у Дома культуры.

— Смотрите, — говорила она, — это Сатурн. У него есть кольца. Наша галактика называется «Млечный путь», мы внутри нее, как песчинка. Но каждая песчинка важна.

Она стала завучем, а потом и директором. Назначали не с радостью — дескать, женщина, да еще и нерусская. Но годы работы показали: Нигора Сабировна умеет и писать бумаги, и спускать пар в нужное русло, а главное — выбивать для школы то, что другим не снилось. При ней в подвале сделали тир, пристроили еще один спортзал и обновили меню так, что и некоторые кафе позавидуют.

— Как вам это удастся? — спросила ее однажды инспектор из городского отдела образования.

— Очень просто, — ответила Нигора. — Я говорю с чиновниками на языке физики. Объясняю, что, если не дать денег на ремонт, школа рухнет по закону всемирного тяготения. Действует безотказно.

Дома тем временем подрастали дети. Михаил окончил школу и заявил:

— Я пойду на завод работать, как папа, а учиться пойду в

Норильский индустриальный институт.

Нигора побледнела. Саша, услышав это, поперхнулся чаем.

— Ты с ума сошел, — сказала мать. — Ты можешь учиться где угодно, у тебя способности. Поступишь в Москву, в Питер, на худой конец в Новосибирск. Мы с папой тебе поможем, даже на платном учиться, деньги найдем.

— Мам. — Михаил посмотрел на нее серьезно, как взрослый. — Я заочно позже поступлю в аспирантуру. А хороших сварщиков мало. Папа говорит, на комбинате старики уходят, а молодежь не идет. Зарплату нормальную платят. Я помогу семье, да и себе денег подзаработаю, а то что у вас на шее.

Он поступил, как и хотел, в Норильске, а кроме того, устроился на комбинат учеником сварщика — в бригаду отца.

— Гордость моя, — сказал Саша, увидев сына в цехе в первый день. — Только смотри: не лезь под дугу. И руки не суй куда не надо.

— Пап, я физику у мамы учил, — усмехнулся Михаил. — И знаю, что такое ток.

Первое время они работали в паре. Саша, старый волк, варил ответственные швы, где нужен был глаз-алмаз. Михаил, молодой, с горячими руками, брал черновую работу. В обед ели из одного котелка, не говоря ни слова — и это молчание было понятнее любых разговоров.

— Ты способный, — сказал однажды Саша. — Настоящий сварщик должен чувствовать металл. А ты чувствуешь.

— Спасибо, пап. Это ты научил.

— Нет. — Саша покачал головой. — Это мама тебя научила. Физика — она про то, как все внутри устроено. А я так, сверху, корку варю.

Норильский индустриальный институт — самый северный в России инженерно-технический университет прикладного типа. Университет считался главной площадкой по подготовке специалистов для работы на предприятиях Норильска, поэтому главное там было — это получение практического опыта и подготовка рабочих рук для заводов. Если студент уже работал и приносил прибыль компании, на посещаемость закрывали глаза.

Михаил выучился быстро. Через год уже получал почти полную зарплату. Если бы совсем забил на учебу, то, наверное, уже и больше ставки вырабатывал бы, но Михаил был не из таких и максимально дисциплинированно подходил к учебе.

Половину денег он отдавал матери.

— Не надо, — говорила Нигора.

— Надо, — отвечал Михаил. — Я тоже мужчина в этой семье. Я должен.

— Ты мой сын, — тихо сказала Нигора, забирая деньги. — Это важнее любых мужских обязанностей.

Марина росла совсем другой породы. Если Михаил был

тихим, упорным, вдумчивым, как мать, то Марина — ураган, который врывался в дом и переворачивал все вверх дном. Она не любила сидеть на месте, терпеть не могла уроки, где нужно просто писать, и обожала — обожала! — спорт.

Баскетбольная секция появилась у нее в пятом классе. Тренер, Николай Иванович, старый и опытный, в первый же месяц сказал Нигоре:

— У вашей девочки талант. Редкий. Прыжок, реакция, игровое мышление. Я бы ее в специализированную спортивную школу отдал — серьезную, в Москве или Питере. Может, девочка и раскрылась бы.

Марина занималась так, что другие девочки завидовали. Она могла час отрабатывать броски, ведение мяча, бегала кроссы в минус двадцать, потому что «так надо», читала книги о великих баскетболистах, вырезала их фотографии из журналов и клеила в тетрадь.

— Я буду чемпионкой, — заявила она в тринадцать лет. — Поеду в Москву. В сборную.

Саша слушал и улыбался в усы (к тому времени он отрастил небольшие рыжие усики, чем очень гордился).

— А как же сварочный цех? Не хочешь, как мы с братом?

— Папа. — Марина закатила глаза. — Я люблю тебя, но варить металл — это не мое. Я хочу, чтобы на меня смотрели тысячи людей и кричали: «Ма-ри-на! Ма-ри-на!»

— Смотри, — вздыхал Саша. — Я в тебя верю.

Нигора верила не меньше. Благодаря тому, что Миша на-

чал работать, да и свои сбережения имелись, Марину смогли отправить в Москву в одну из лучших спортивных школ, и она начала показывать неплохие результаты.

Нигора часто созванивалась с братом Шавкатом и матерью. Пожив несколько лет в Норильске и примирив детей, мать решила, что лучше ей вернуться на родину — климат северный не способствовал улучшению ее здоровья. Шавкат открыл магазин, обзавелся семьей, стал неплохо зарабатывать. Часто спрашивал, не хочет ли Нигора с семьей вернуться.

— Ты теперь в России, — сказал брат. — Я не знаю, но мама плачет по ночам. Переживает за вас, скучает.

Нигора посмотрела на Михаила — тот сидел за столом, готовил чертеж для института. На Марину — она кидала мяч в кольцо во дворе, сейчас у нее были каникулы в спортивной школе. На Сашу — он пришел с ночной смены, сидел в кресле и клевал носом.

— Передай маме, — сказала Нигора. — Мы приедем в гости, как обычно. Но жить — будем здесь. Здесь моя школа. Мои дети, муж.

— Упрямая, — вздохнул Шавкат. — Как и была.

— Это наследственное, — улыбнулась Нигора. — От вас, братец.

Она повесила трубку и подошла к окну. Там был ее новый — такой суровый, но уже такой свой — город.

— Мам, — сказал Михаил, не поднимая головы от черте-

жа. — Ты только не уезжай, ладно? У нас тут без тебя трубы полопаются.

— Какие трубы? — не поняла Нигора.

— Все трубы, — хмыкнул Михаил. — И сварочные, и тепловые, и эти... школьные. С детьми.

Нигора засмеялась. Она подошла к сыну, поцеловала его в макушку. И подумала: может, она все-таки хороший учитель. Если даже из сварщиков делает философов.

14. Донор

Вторник наступил быстрее, чем Химари ожидала. Она проснулась в пять утра, хотя будильник был поставлен на семь. Лежала в кровати, смотрела в потолок и чувствовала странное спокойствие. Не то чтобы она перестала думать о случившемся. Просто теперь это было не в прошлом, а в будущем. И будущее казалось более важным.

Она оделась аккуратно, но без излишеств — простые брюки, светлая блузка, волосы собраны в хвост. Посмотрела на себя в зеркало: бледная, с тенями под глазами, но взгляд твердый. Химари понравилась себе в этот момент.

Когда она вошла в уже знакомое здание, ее встретила Айко. Улыбнулась, обняла.

— Готова?

— Готова.

Они поднялись на восьмой этаж, где располагался медицинский центр. Белые стены, стерильный запах, тихий гул оборудования. Химари чувствовала себя спокойно — странно, но это место не вызывало у нее тревоги. Может, потому что она пришла сюда по своей воле.

Анализы заняли около часа. Кровь, моча, УЗИ, консультация. Врач — женщина лет пятидесяти, с добрыми, но усталыми глазами — задавала много вопросов. О наследственных заболеваниях, вредных привычках, о психологическом

состоянии. Химари отвечала честно. Она больше не хотела врать. Ни себе, ни другим.

— У вас все хорошо, — сказала врач, просматривая результаты. — Отличные показатели. Вы подходите.

Химари выдохнула. Она даже не заметила, что задерживала дыхание.

Через неделю началась процедура стимуляции овуляции. Каждый день инъекции, постоянный контроль. Врачи следили за созреванием фолликулов. Химари чувствовала, как ее тело становится инструментом. Странное, но не неприятное чувство. Впервые в жизни она ощущала, что ее тело не просто оболочка, а что-то важное.

Когда все было готово, ее пригласили на процедуру изъятия яйцеклеток. Под наркозом. Больно не было. Только сон — и пробуждение в палате с легким головокружением и чувством пустоты. Но не той пустоты, что была раньше. Это была другая пустота — та, которая скоро заполнится.

— У вас взяли восемнадцать яйцеклеток, — сказал врач, улыбаясь. — Отличный результат. Они пойдут в наш банк. Возможно, благодаря вам родятся дети.

Восемнадцать. Восемнадцать возможных жизней. Восемнадцать шансов. Восемнадцать маленьких чудес, которые могли бы не случиться. Химари лежала на кушетке, смотрела в белый потолок и улыбалась.

Айко пришла к ней в палату через час.

— Как ты?

— Хорошо, — сказала Химари. — Правда хорошо.

— Мы рады, что ты решилась. — Айко села рядом. — Но я хочу поговорить с тобой о другом. О том, что будет дальше. Химари приподнялась на локтях.

— Мы хотим предложить тебе стать вербовщицей, — сказала Айко. — Ты прошла через это, понимаешь, что чувствуют женщины, которые сомневаются. Ты можешь говорить с ними на их языке, убеждать, что донорство — это не страшно. Что это шанс, жизнь.

Химари помолчала. В голове пронеслись мысли о том, какой она сама была несколько месяцев назад. Той, которая смотрела в воду с моста и не видела смысла в существовании. Если бы кто-то тогда поговорил с ней, объяснил, что есть выход... может, все было бы иначе.

— Я согласна, — сказала она. — Я могу говорить с людьми.

— Мы будем тебя обучать, — улыбнулась Айко.

Оставшийся год до выпуска Химари провела в напряженной работе. Она училась на стоматолога, сдавала экзамены, готовилась к диплому. Но параллельно посещала курсы по репродуктивной медицине, встречалась с Айко, обсуждала планы. Она знала, что делает правильный выбор.

Когда наконец получила диплом, она почувствовала странное облегчение. Конец одного этапа. Начало другого.

— Поздравляю! — сказала Айко, когда они встретились после церемонии. — Теперь ты официально врач. И мы мо-

жем предложить тебе работу.

— Я готова, — ответила Химари.

Клиника «Солнце» была одним из лучших медицинских центров Токио. Здание из стекла и бетона, с огромным атриумом и фонтаном, с сотнями врачей и тысячами пациентов. Химари пришла туда через неделю после выпуска.

Ее приняли как младшего специалиста в стоматологическое отделение. Но это было только начало. Она работала с зубами — это была ее специализация. Но клиника предлагала уникальные технологии: выращивание зубов с нуля. Химари училась этому с огромным энтузиазмом.

— Ты видишь, как это работает? — показывал ей старший врач. — Мы берем клетки пациента, стимулируем их, и зуб вырастает прямо в десне. Без имплантов, без протезов.

Химари смотрела и понимала, что это чудо. То же самое чудо, которое она хотела дарить другим.

Она быстро втянулась в работу. Дни проходили в клинике: приемы, консультации, процедуры. По вечерам — курсы по репродуктивной медицине. Она училась понимать, как работает женская репродуктивная система, как лечить бесплодие, как поддерживать женщин, которые хотят стать матерями.

Химари не спала по ночам. Но теперь это была не та бессонница, которую она ненавидела. Теперь она вставала, пила чай, садилась за учебники и читала до утра. Потом — снова в клинику. Снова работа. Снова жизнь.

— Ты работаешь как робот, — заметила Айко, когда они встретились на фудкорте. — Отдыхай иногда.

— Я отдыхаю, — улыбнулась Химари. — Я счастлива.

Айко посмотрела на нее — и поняла, что Химари говорит правду. В ней произошли перемены. Она стала сильной, целеустремленной, живой.

— Мы рады, что ты с нами, — сказала Айко.

— Я рада, что вы есть, — ответила Химари.

И это была правда.

Вербовка стала другой частью ее жизни. Она выступала перед женщинами, которые сомневались. Рассказывала им свою историю — ту, которую почти никому не рассказывала: как сделала аборт и что было потом.

— Я убила своего ребенка, — говорила она без колебаний. — И не могу изменить это. Но могу дать жизнь другим. Я могу помочь вам избежать моей ошибки, помочь сохранить вашу беременность. Или помочь вам стать донорами.

Она видела слезы в глазах женщин, надежду и страх. Она сама была этой женщиной и понимала их.

— Я знаю, что такое чувствовать, что жизнь кончена, — говорила она. — И что такое стоять на мосту и смотреть в воду. Но я не прыгнула. Я выбрала жить. И я хочу, чтобы вы тоже выбрали жить.

15. Энергия ускорения

Михаил не искал любви. Он вообще в те годы хотел только одного: выспаться. Работа на комбинате, учеба (инженер-робототехник — это звучало гордо, но чертежи приходилось сдавать каждую сессию), к этому времени еще он ходил заниматься в тренажерный зал — сил на личную жизнь не оставалось. Но судьба, как хороший ученый, любит ставить эксперименты.

Они встретились на танцах в ДК «Юбилейный» — там же, где когда-то познакомились его родители. Марина (сестра) потащила его за компанию, сказав: «Мишка, ты скоро превратишься в сварочный аппарат. Хоть на людей посмотри!» Михаил отмахивался, но пошел — косточки размять.

Она стояла у колонки в обтягивающих джинсах и ярко-красной кофте с блестками — такая яркая, что на нее оборачивались даже те, кто пришел со своими девушками. Маргарита. Рита. Девушка, которую называли «наша зажигалка». Короткая стрижка «под мальчика», огромные синие глаза и улыбка, которая говорила: «Я здесь и сейчас, и мне плевать на завтра».

— Ты чего такой хмурый? — спросила она, подойдя к нему сама, без всякого стеснения. — На работе уволили? Или девушка бросила?

— Все хорошо, — буркнул Михаил. — А работаю я свар-

щиком на комбинате.

— Ой. — Она засмеялась звонко, как колокольчик. — А я учусь в техникуме на работника торговли. Точнее, учусь плохо. Но танцую хорошо. Пошли!

И потащила его за руку. Михаил не умел танцевать, как и его отец когда-то. Но Рита танцевала за двоих — отбивала ритм бедрами, взмахивала руками, вертелась, и он просто стоял и смотрел. И впервые за долгое время забыл про чертежи, про смену и про то, что завтра в шесть утра на завод.

Родители Маргариты развелись, папа уехал неизвестно куда, когда она была еще совсем маленькой, и пропал. Мама работала продавцом в магазине, а сама она устроилась в кинотеатр продавать билеты. Еще была бабушка, но старенькая и живущая в своем внутреннем мире, уже не вникая в реальность. Рита с двенадцати лет была предоставлена самой себе: сама делала уроки (кое-как), грела ужин, решала, стоит ли идти в школу или лучше погулять. Никто не спрашивал, какие у нее оценки, кто ее друзья, во сколько она придет домой. Она привыкла жить сегодняшним днем, потому что завтра ей никто ничего не обещал.

Михаил сначала ужасался: «Как это ты не готовишься к экзаменам? А что ты будешь делать через год?» Рита пожимала плечами: «Через год будет через год. Сейчас есть сейчас. Мы же живые, а не роботы».

И в этом была своя правда. Михаил, который привык все планировать, раскладывать по полочкам, экономить каждую

копейку, вдруг почувствовал, что рядом с Ритой мир становится ярче. Она могла в разгар рабочей недели сказать: «Поехали на озеро!» — и он, сам не понимая как, бросал чертежи и ехал. Она покупала на последние деньги мороженое, а не макароны, и смеялась: «Проголодаемся — схожу на рынок, помогу теткам картошку перебрать, заработаем». Она умела превращать скучную жизнь в приключение.

Через полгода они поняли, что не могут друг без друга. Нигора, увидев Риту впервые, насторожилась: слишком громко, ярко и... несерьезно. Но Саша посмотрел на сына — на его посветлевшие глаза, на то, как он впервые за много лет смеется по-настоящему, — и сказал жене:

— Нигор, ты помнишь себя в их возрасте? Ты тоже бежала от правил. Не мешай.

Они поженились, едва Рите исполнилось восемнадцать. Расписались скромно — денег на свадьбу не было. Рита надела белое платье, которое сама сшила из старой простыни (и выглядело оно потрясающе — потому что Рита умела превратить простыню в шедевр). Михаил надел свой единственный костюм, в котором ходил на все торжественные мероприятия.

— Ничего, — сказала Рита, вдевая ему в петлицу гвоздику. — Мы еще устроим пир на весь мир. Когда у нас будет свой дом.

— Когда у нас будет свой дом, — эхом повторил Михаил. Первое время снимали однокомнатную квартиру на окра-

ине. Места было мало, зато предоставлены сами себе. Рита развесила занавески, поставила на подоконник герань и каждое утро пекла блины — получались комьями, но она посыпала их сахарной пудрой и говорила: «Ну и что, что кривые? Зато вкусные!»

Михаил учился — специальность требовала мозгов. Он сдавал экзамены на четверки и пятерки, перелопачивал кучу литературы. Работа на комбинате давала зарплату, но большая часть уходила на текущие расходы, и он по-прежнему помогал сестре со спортивной школой. Рита работала то продавщицей, то официанткой, то помогала свекрови по дому. Нигора, которая поначалу косилась на «эту белобрысую выскочку», вдруг полюбила ее за живую энергию.

— Твоя жена — ураган, — говорила она Михаилу. — Но ураган может и разрушить, и принести дождь. Смотри, чтоб дождь был.

Рита каждый раз ставила перед мужем новые задачи. То ей хотелось новый диван (и Михаил брал сверхурочные смены, чтобы купить). То заявляла, что хочет поехать за границу на море (и они сэкономили полгода, чтобы купить две путевки в Турцию). То решала, что научиться готовить плов — они звали в гости Нигору с Сашей, и Рита впервые в жизни держала казан, а Нигора улыбалась и терпеливо объясняла, когда зиру нужно добавить.

Михаил не жаловался. Наоборот, каждая новая прихоть жены заставляла его шевелиться быстрее, искать пути, изво-

рачиваться. Он понял удивительную вещь: когда перед тобой стоит цель (пусть даже глупая — новый торшер или поездка на море), ты начинаешь работать в десять раз эффективнее. Рита не давала ему закиснуть. Она была его вечным двигателем — шумным, неэкономичным, таким живым.

Через год такой жизни Рита подошла к нему вечером и сказала:

— Миш, я, кажется, беременна.

Михаил положил чертеж. В комнате было тихо — только холодильник гудел и за окном выла пурга.

— Ты серьезно?

— Тест показал две полоски. — Рита улыбалась, и в глазах стояли слезы. — Жалко только, у нас квартирка маловата и не своя.

— погоди. — Михаил встал, подошел к ней, обнял. — Это же счастье. Разве нет?

— Счастье — да. — Она всхлипнула. — Но я хочу, чтобы наш ребенок родился в своем жилье. Не в съемной конуре. Не у чужих людей. В своем. Где мы будем хозяевами.

Михаил молчал минуту. Потом сказал:

— Он у нас родится в своем жилье. Я обещаю.

— Ты что, квартиру купишь? — Рита не верила.

— Найду, рожу, украду, — сказал поговоркой Михаил. — Не куплю, но на первоначальный взнос на ипотеку как-нибудь наскребу. — Он говорил спокойно, как всегда, когда принимал решение. — Я инженер-робототехник, черт возь-

ми. Могу спроектировать заводскую линию. Смогу и решить квартирный вопрос.

В ту ночь он не спал. Лежал в кровати и перебирал варианты. Просить помощи у родителей? Чутьочку помогут, но этого будет недостаточно. Он взял лист бумаги и написал план: увеличить количество смен. Марина вроде скоро подпишет свой первый спортивный контракт — может, тоже вложится. И учебу не бросать. Инженер с дипломом зарабатывает больше.

За стенкой спала Рита — она умела спать даже в самые тяжелые времена, потому что верила: он все решит. И он решил.

На следующий день Михаил пошел к матери. Нигора была в школе, сидела в кабинете и проверяла тетради.

— Мам, — сказал он, присаживаясь напротив. — У нас будет ребенок.

Нигора отложила ручку. Посмотрела на сына — на его резко повзрослевшее лицо, твердые складки у губ, на глаза, в которых горел тот самый огонь, с которым она когда-то сама уезжала в Норильск.

— Поздравляю, — сказала она спокойно. Но встала и обняла его. — Я буду самой счастливой бабушкой на свете.

— Мам, Рита хочет, чтобы ребенок родился в своем жилье. Я обещал.

— Правильно обещал. Мы с отцом поможем.

— Мам, спасибо... я все потом отдам.

— Не нужно. Это не подарок, а инвестиция в мою внучку или внука. И помни: ты — мой сын. Ты умеешь варить такие швы, которые не трескаются. Семейные — тоже. Справишься.

Михаил почувствовал, как горло сжимается. Он никогда не умел плакать, но сейчас был близок к этому.

— Спасибо, мам.

— Беги, — улыбнулась Нигора. — И скажи Рите, чтобы ела больше железа. В прямом и переносном смысле. И про пренатальную диагностику не забывала. Я в субботу зайду, проверю.

Он вышел из школы и вдохнул морозный воздух. Вокруг лежал снег, серый от копоти комбината, но небо над головой было чистым и высоким. Где-то там, за тучами, светило солнце — оно всегда возвращалось после полярной ночи.

Михаил улыбнулся. Он был молод. У него была веселая, сумасшедшая жена, которая ставила ему задачи одну за другой. И мечта — свой угол, где его ребенок скажет первое слово. И он знал, что сделает это. Потому что он — сын Нигоры, которая когда-то бежала из тесного круга. Потому что он — сын Саши, который умел сваривать несоединимое. Потому что он любил.

И этого в итоге было достаточно.

16. Новая жизнь

Прошло два года, после того как Химари начала работать в клинике «Солнце». Она привыкла к ритму: утро — стоматологический прием, день — курсы по репродуктивной медицине, вечер — встречи с потенциальными донорами. Ее жизнь наполнилась смыслом. Она чувствовала, что делает что-то важное.

Но внутри нее все еще была пустота. Не та, что от аборта — Химари научилась жить с ней. Другая пустота. Одиночество. Она не искала отношений, не хотела повторять ошибки. Но иногда, когда видела счастливые пары в клинике, у нее сжималось сердце.

Айко заметила это.

— Тебе нужен кто-то, — сказала она однажды, когда они пили кофе на фудкорте. — Ты слишком много работаешь и заслуживаешь быть счастливой.

— Я счастлива, — ответила Химари. — У меня есть работа, есть цель.

— Счастье — это не только работа. Тебе нужен человек, который будет рядом и будет тебя любить.

— Я не хочу отношений. Я обожглась.

— Не все мужчины такие, как Кейташи, — мягко сказала Айко. — Есть и хорошие. И я знаю одного.

Химари подняла бровь.

— Его зовут Тоетоми. Он работает в корпорации юристом. Занимается улаживанием проблем с донорами и вопросами репродуктивной сферы. Он добрый, надежный, серьезный. И он давно на тебя смотрит.

— Что значит «давно»?

— Он видит тебя каждый день, когда ты проходишь через холл. Спрашивал про тебя у меня. Я сказала, что ты свободна.

Химари хотела отказаться. Но в груди что-то дрогнуло. Может, она устала быть одна.

— Познакомь меня с ним, — сказала она.

Они встретились в том же здании, на том же фудкорте. Тоетоми оказался высоким, худощавым мужчиной с добрыми глазами и теплой улыбкой. Он был старше ее лет на семь, но выглядел моложе. Когда он смотрел на Химари, в его взгляде было что-то мягкое и теплое.

— Я много слышал о вас, — сказал он. — Айко говорит, что вы делаете великое дело.

— Это просто работа, — ответила Химари.

— Вы скромничаете. Я знаю, что вы донор и помогаете женщинам. Это важно.

Они разговаривали несколько часов. О работе, жизни, мечтах. Он не был похож на Кейташи, не торопился, не давил, не требовал. Просто был рядом. Слушал, улыбался, задавал вопросы.

И Химари впервые за долгое время почувствовала, что

она нужна не только как врач, не только как вербовщик, не только как донор. А просто как женщина.

Они встречались почти год. Тоетоми терпеливо ждал, пока она привыкнет, и не торопил. Он знал ее историю — Айко рассказала ему все. И он принял ее со всеми шрамами и пустотами.

— Я люблю тебя, — сказал он однажды вечером. — И хочу быть с тобой всю жизнь.

— Я тоже, — ответила Химари.

Они поженились через полгода. Свадьба была скромной — только близкие друзья и семья. Айко была свидетельницей. Химари улыбалась, но внутри росла грусть. Она знала, что, скорее всего, не сможет дать ему детей. Самоотверженное служение донорству выкачало из нее все яйцеклетки, изменило репродуктивную систему. Теоретически, она могла родить, но риск для ребенка был слишком высок.

— У нас не будет детей, — сказала она ему в первую брачную ночь. — Я не могу рисковать. Ты знал об этом.

— Знал, — ответил он. — Но я люблю тебя не за детей. Я люблю тебя за то, какая ты есть.

Она заплакала. Впервые за долгое время. Не от боли, а от благодарности. Он не был похож на Кейташи. Он был другим.

— Спасибо, — прошептала она. — Спасибо, что ты есть.

Еще через несколько лет Химари заметила, что Айко изменилась. Раньше она была энергичной, оптимистичной,

всегда готовой поддержать. Теперь стала нервной, раздражительной. Она могла сорваться на крик из-за пустяка, а через минуту — расплакаться.

— Айко, что с тобой? — спросила Химари, когда они встретились на фудкорте. — Ты сама не своя.

— Все в порядке, — ответила Айко, отводя взгляд. — Просто устала.

— Ты врешь. Я знаю тебя слишком долго. Что случилось? Айко помолчала. Потом заговорила, глядя в сторону:

— После повышения у меня появились... новые обязанности. Я узнала вещи, которые изменили мое представление о нашей программе. Это сложно объяснить. Но я не могу быть спокойной.

— Что за вещи?

— Я не могу говорить тебе, Химари. Но поверь... это не то, что мы думали. Не все так просто.

Она встала, собираясь уйти. Химари смотрела на нее с тревогой.

— Ты в порядке? Нужна помощь?

— Нет, — ответила Айко, уже разворачиваясь. — Я справлюсь.

Но Химари видела, что это не так. Айко была на грани.

Когда Айко вышла из фудкорта и направилась к лифту, в ее голове проносились мысли, которые она никогда бы не озвучила: *«Я не могу сказать ей правду. Она не выдержит.*

Она такая наивная, верит, что мы спасаем жизни. А на самом деле... основная часть яйцеклеток, которые мы получаем от доноров, идет на выращивание корпоративных детей в инкубаторах. Детей, которые будут принадлежать корпорации с самого рождения. Настоящие дети для бесплодных пар — это лишь малая часть. Остальное — это промышленное производство людей».

Она нажала кнопку лифта, чувствуя, как дрожат руки.

«И это еще не все. Мы не просто выращиваем их — мы меняем ДНК. Делаем их сильнее, здоровее, сообразительнее. Они становятся идеальными работниками и членами кланов. А те, кто не соответствует стандартам... их просто уничтожают. Безжалостно. Как бракованный товар».

Лифт открылся. Айко вошла внутрь.

«Я видела это своими глазами. Инкубаторы. Ряды. Сотни детей, которые никогда не увидят своих матерей. Они даже не знают, что у них есть матери. И никогда не узнают, что их бракованных собратьев просто выбросили».

Двери закрылись.

«А я часть этого. Помогаю этому. И не могу остановиться, потому что иначе меня просто убьют. Или отправят на перевоспитание. И тогда я стану одной из тех, кого будут высмеивать, называть сумасшедшей. Я не хочу быть такой. Я хочу жить. Но не знаю, как жить с этим знанием».

Она закрыла глаза и прислонилась к стене лифта.

«Надеюсь, Химари никогда не узнает правды. Пусть думает, что спасает жизни. Пусть верит в добро. Это лучше, чем знать, что ты создаешь армию идеальных солдат для корпорации и участвуешь в убийстве тех, кто не подошел по стандартам».

Лифт остановился. Айко пошла по коридору, стараясь держать лицо. Но внутри у нее все кричало.

В корпорации шла работа над легализацией детей, выращенных в инкубаторах. Это была сложная задача — документы, суды, законодательство. Тоетоми работал над этим каждый день. И не мог не делиться своим потаенным с любимой женой.

— Мы приближаемся к победе, — говорил он Химари. — Через несколько лет эти дети получают все права. Они будут считаться полноценными гражданами. Многие из них уже работают в корпорациях. Это хорошие работники, преданные, дисциплинированные.

— И ты думаешь, это правильно? — спросила Химари однажды вечером, когда они сидели дома.

Тоетоми помолчал. В его глазах появилась тень.

— Правильно? — переспросил он. — Я не думаю, что это правильно. Но знаю, что это необходимо. Выращивать детей в инкубаторах, модифицировать их, делать идеальными работниками... Это не добро или зло, Химари. Это эволюция.

Химари почувствовала, как внутри нее что-то дрогнуло.

— Да, — сказал он, глядя ей прямо в глаза. — Если мы этого не сделаем — Япония исчезнет. Мы стареем, вымираем, у нас нет ресурсов, чтобы выжить. Наши корпорации — это единственное, что держит страну на плаву. Если они рухнут — пропадем мы все.

— Но мы используем людей, — возразила Химари. — Это же... это же как рабство.

— Это не рабство, — спокойно ответил Тоетоми. — Это фабрика. Мы даем им жизнь, образование, работу. Мы даем им все, что у нас есть. Взамен просим только одного — верности. Нам не нужны бунтовщики, слабаки и неудачники. Нам нужны сильные, умные, надежные люди, которые могут работать на благо страны. И мы их создаем.

— Но это не может оказаться злом?

— Если только злом, которое спасает нашу страну. — Он протянул руку и сжал ее ладонь. — Я знаю, это звучит жестоко. Но если бы ты видела то, что вижу я. Если бы знала, сколько детей умирает от голода в других странах, сколько людей не имеет работы. А мы даем надежду и жизнь. И мы даем этим детям шанс стать кем-то.

— А если они не хотят становиться теми, кем мы их делаем? — спросила Химари. — Если они хотят быть свободными?

Тоетоми вздохнул.

— Я готов делать то, что необходимо для выживания страны, — жестко сказал Тоетоми. — Не потому, что я злой. По-

тому что другого выбора нет.

Химари смотрела на него и видела, что он говорит искренне. Он не радовался тому, что делал, и не был жестоким. Просто смирился. Принял то, что неизбежно, и научился жить с этим.

Она долго молчала. Потом спросила:

— А что, если я не хочу быть частью этого?

Тоетоми посмотрел на нее с грустью.

— Ты уже часть, Химари. Ты отдала свои яйцеклетки и помогаешь нам убеждать женщин становиться донорами. Работаете в клинике, которая принадлежит корпорации. — Он вздохнул. — Если уйдешь — тебя не тронут, пока ты молчишь. Но если заговоришь... они могут сделать с тобой то же, что делают с теми, кто слишком много знает.

— То есть я могу уйти?

— Можешь. Но тогда ты должна будешь молчать. Никогда не говорить о том, что видела, и не пытаться помочь тем, кто протестует. Ты сможешь жить с этим?

Химари не ответила. Она не знала ответа.

17. Цена

Михаил и Рита взяли ипотеку и купили квартиру. Михаил закончил институт с красным дипломом. Поступил в аспирантуру, она оказалась тяжелее, чем он думал. Благодаря своим знаниям он перешел на работу в конструкторское бюро комбината, вечером — лекции, ночью — диссертация, но при этом еще брал смены сварщиком, чтобы заработать лишнюю копейку. Выбрал тему диссертации — «Оптимизация роботизированных сварочных комплексов для экстремальных условий Севера». С научным руководителем, старым профессором из Новосибирска, говорил по видео связи, и тот убеждал: «Михаил, это будущее. Где, как не в Норильске, вам это разрабатывать?»

Новая квартира пахла краской и свежим линолеумом. Ремонт шел полным ходом. Рита на одиннадцатой неделе беременности еще могла свободно двигаться — живот только начинал округляться, никто на улице не догадывался. Она красила стены в детской сама, пока Михаил был на работе.

— Слезь со стремянки, — говорил он. — Упадешь.

— Не упаду, — отмахивалась Рита. — Я как лемминг — ловкая и быстрая.

Она действительно успевала все. Утром — ремонт. Деньги маленькие, но свои. Вечером — в кинотеатр, в кассу. Рита знала: время ограничено, пока она еще может что-то сделать

по ремонту, потом придется кого-то нанимать.

— Миш, — сказала она как-то вечером, когда он вернулся из бюро и упал на диван. — Нужно сделать ремонт до рождения ребенка, потом уже будет поздно. Так и останемся жить в хлеву.

Михаил поднял голову. Посмотрел на нее.

— Ты о чем?

— О деньгах, — жестко сказала Рита. — Я в кинотеатре получаю копейки. После декрета — вообще ничего. Одной твоей зарплаты нам не хватает. Ипотека висит. Коляски, кровати, памперсы — это все деньги. Большие деньги. Если мы сейчас не найдем способ заработать — через полгода опять пойдем по родственникам кланяться.

Она села рядом, положила руку ему на плечо.

— Миш. Я хочу родить. Но так, чтобы наш ребенок не начинал жизнь с долгов. Ты можешь взять вторую смену? Как раньше. Серега же согласится? Вы уже так делали.

Михаил промолчал. В голове крутились цифры: ипотека, коммуналка, анализы, витамины. Диссертация требовала времени, а денег не приносила.

— Я сегодня коляску смотрела, — продолжала Рита. — Итальянская, розовая. Двадцать тысяч. Красивая. И кроватку — с балдахином, представляешь? Наша девочка будет как принцесса. Но это все деньги.

— Откуда ты знаешь, что девочка? — спросил Михаил, чтобы оттянуть время.

— Чувствую, — улыбнулась Рита. — Зажигалка внутри. Маленькая такая, вся в меня. Ты же хочешь, чтобы у нее было все лучшее?

— Хочу, — сказал Михаил.

— Вот и договорись с Серегой. Только аккуратно, — добавила она почти машинально. — Не надрывайся.

— Но деньги нужны, — закончил за нее Михаил.

— Деньги нужны, — кивнула Рита. — Очень нужны. Иначе я боюсь, что не справимся. А спустя рукава в этой жизни нельзя. Ты же знаешь.

Михаил знал.

На следующий день он подошел к Сереге.

— Слушай, схема старая. Я работаю за тебя во вторую смену. Ты подписываешь табель. Тебе отдаю 25%. Идет?

Сереха, вечно нуждающийся, с тремя детьми и женой в декрете, не раздумывал:

— Идет. Только ты аккуратнее, Миш, не накосячь.

— Рита сказала: деньги очень нужны. Она боится, что не вытянем с ремонтом.

Сереха понимающе кивнул. Жена у него тоже, бывало, подгоняла: «Сереха, нам надо, дети голодные». Он знал, как это работает.

Первый месяц прошел нормально. Днем — конструкторское бюро, чертежи, диссертация. Вечером — цех, сварка, тяжелый воздух. Ночью — три часа сна. Рита видела, что он осунулся, но не останавливала. Наоборот, иногда подгоняла:

— Миш, ты бы еще пару смен взял. Я на той неделе кроватку с балдахином заказала. С белыми рюшами. Аля будет как принцесса спать.

Михаил брал. Отказывать было страшнее, чем работать сутками. Ее капризы превращались в задачи — как на производстве. «Хочу коляску от итальянцев» — значит, надо найти коляску. «Хочу балдахин с кружевами» — значит, надо заработать на балдахин.

Второй месяц был тяжелее. Руки начали дрожать — от недосыпа и постоянного напряжения. В цехе пекло, кислорода мало, в сварочной маске запотевало стекло. Михаил поймал себя на том, что делает швы на автопилоте — мозг отключается, тело работает как заведенное.

Домой приходил, падал на диван. Рита его тормошила:
— Ты чего спать лег? А коляску посмотреть поедem? Завтра выходной.

Он ехал. Сидел в магазине, кивал, катал выставочные образцы. Рита светилась от счастья, гладила почти незаметный живот и шептала: «Дочка, мы для тебя стараемся».

— Ты какой-то бледный, — заметила она однажды. — Ты хорошо питаешься?

— Хорошо, — соврал Михаил. — Не переживай.

— Я не переживаю, — соврала она в ответ. — Просто смотри за собой. Ты мне нужен живой. Но и коляска нужна. Ты же понимаешь, срок такой — если сейчас не раскошeлимся, потом Аля будет в подержанном спать.

Он понимал.

Дело было в пятницу. Конец смены, два часа ночи. Михаил отработал двенадцать часов: шесть в КБ, шесть в цехе. Сейчас была его смена, а не та, которую он отрабатывал за Серегу. Он варил последний узел для обоганительной линии. Руки тряслись. Перед глазами плыли розовые зайцы с обоев из детской — ему казалось, они кружатся вокруг сварочного аппарата.

«Это галлюцинации от усталости, — подумал он. — Надо просто закончить и домой. Рита завтра опять скажет про коляску. И про срок. И про то, что девочке нужно все лучшее».

Он встал, чтобы идти к конвейеру. Пол под ногами был масляный — вечно масляный, сколько ни мой. Михаил знал тут каждую ямку, но сегодня нога просто... поехала.

Он не упал на бок, выставив руки для страховки. Он рухнул вперед — прямо на движущуюся ленту, которая вела в шредер. Попытался оттолкнуться правой рукой — все было скользкое, пальцы не нашли опоры. Лента тянула его внутрь. Он рванулся левой, за край конвейера — и вывалился из ленты.

Вывалился, потому что лента его больше не тащила. Правой руки по локоть не было. Правой ноги до колена — тоже. Шредер хрустнул железом и затих.

Крик. Кровь. Темнота.

— ПОМОГИТЕ! — заорал кто-то. Михаил понял, что это

он сам.

Подбежали двое. Потом трое. Кто-то рвал ремень, чтобы перетянуть культи. Кто-то звонил в скорую. Михаил терял сознание, но успел подумать: «Рита. Срок. Аля. Розовая коляска. Кто теперь ее покатит?»

В больнице его встретил старый хирург. Посмотрел, покачал головой.

— Доктор, — прошептал Михаил. — У меня жена беременная. Девочка родится.

— Родится, — жестко сказал хирург. — А ты жить будешь. Руку и ногу, увы. Комбинат страховку заплатит, пенсия будет.

Михаил закрыл глаза. Коляска. Розовая. Итальянская. Рита ее так хотела. Теперь будет. Но кто поедет с ней в парк?

К Михаилу в палату пришел зам по безопасности. Официальный, с папкой.

— Михаил, — начал он. — Расследование показало: вы работали в свою смену. Это плюс. Страховка положена. Комбинат не будет ставить вам палки в колеса. Пол был масляный — наша недоработка. Так что деньги выплатим. И пенять не будем. Сами понимаете.

— А про Серегины смены? — спросил Михаил.

— Про них мы ничего не знаем, — жестко сказал зам. — И вы не знаете. Вы работали в свою смену. Вопросы есть? Вопросов не было.

Михаил попросил телефон. Набрал Риту левой рукой — туго, непривычно, непослушными пальцами.

— Миш? — сонный голос, тревога. — Ты где? Третий час ночи.

— Рита, я в больнице. Со мной несчастный случай.

— Ты чего? — голос стал резким. — Говори прямо.

— Я потерял правую руку и правую ногу.

Молчание. Долгое, тяжелое. Потом — не плач, а выдох:

— Ты живой?

— Живой. — Голос дрогнул.

— Ты инвалид. И как я теперь?

Михаил сказал:

— Я встану. На протезах. Или на костылях. Но встану. Ремонт добьем.

— Дурак, — выдохнула Рита. — Я же тебя просила: аккуратно. Зачем ты полез? Коляску мы и дешевле могли взять.

— Ты сама сказала: что нужно до рождения все сделать — а то потом поздно будет, — напомнил Михаил.

— Я про ремонт говорила! — закричала Рита. — Про то, что надо решать этот вопрос! А не про то, чтобы мужа в шредер засунуть!

— Прости, — сказал Михаил.

— Я сейчас приеду. — Рита взяла себя в руки. — Не вздумай умереть. Аля без отца не останется.

Она положила трубку.

Михаил смотрелся в белый потолок и гладил левой рукой

культю правой — через бинты, но все равно больно, и думал: «Хотел как лучше, а получилось как всегда. Квартира есть. Коляска куплена. Ребенок — девочка Аля — родится через полгода. А я — однорукий и одноногий инвалид. Но живой».

За окном больницы выла пурга. Полярная ночь сжимала город в своих ледяных объятиях.

Где-то там, в двухкомнатной квартире, пахло краской и лежала розовая итальянская коляска с ручкой-трансформером. И спала на диване Рита — зажигалка, будущая мать, которая толкала его вперед, потому что боялась не успеть.

Она не успела. Но он жив. И главное — уже поздно делать аборт. Аля придет в этот мир, и у нее будет отец. Пусть без руки и ноги, но с огромным сердцем. И с левой рукой, которой он научится делать все.

Засыпая, Михаил в последний раз подумал о дочери.

18.Соты

Мир изменил

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.